

РАЙДЕР БЛЭЙК

ХРОНИКИ
ПЛАНЕТЫ
НОМЕР ТРИ
РОССИЯ АНТИКУЛЬТ

ХРОНИКИ ПЛАНЕТЫ

НОМЕР ТРИ

Россия. Антикульт

Райдер Блэйк

Оглавление

ЧАСТЬ I: ПРИБЫТИЕ СРЕДИ ХАОСА

- Глава 1. Корабль над Замоскворечьем
- Глава 2. Первый контакт с абсурдом
- Глава 3. Глас народа в плазменной панели
- Глава 4. Газета «Ириней» и профессор Дворкин
- Глава 5. Тяжелое наследие Кюннета

ЧАСТЬ II: ВОСПОМИНАНИЯ О ДОМЕ

ЧАСТЬ III: ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС РОССИИ

- Глава 6. Голоса в эфире
- Глава 7. Цифровая стена
- Глава 8. Последнее «Прощай»
- Глава 9. Серый кардинал
- Глава 10. Фабрика лидеров
- Глава 11. Молчание Ученых

ЧАСТЬ IV: ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ

- Глава 12. Философия и ценности: Слышать Вселенную

ЧАСТЬ V: РЕАЛЬНОСТЬ АНТИКУЛЬТА

- Глава 13. Поход в «Центр религиоведческих исследований»
- Глава 14. Судебный процесс как театр абсурда
- Глава 15. Анатомия Тени
- Глава 16. Галерея Негодяев
- Глава 17. Запах Бездны
- Глава 18. Червь в яблоке
- Глава 19. Коричневая нота
- Глава 20. Струны кукловода
- Глава 21. Тест «Старец Зосима»
- Глава 22. Верховный Менеджер Пустоты

Глава 23. Голос из Сети

Глава 24. Незримая Паутина Света

Глава 25. Семена Будущего

Глава 26. Эффект бабочки

Фантастический рассказ, в котором вымысел переплетается с реальными событиями.

ЧАСТЬ I: ПРИБЫТИЕ СРЕДИ ХАОСА

Глава 1. Корабль над Замоскворечьем

«Коренное отличие современных диктатур от всех тираний прошлого заключается в том, что террор используется не как средство уничтожения и запугивания противников, а как инструмент управления совершенно покорными массами людей».

Ханна Арендт, «Истоки тоталитаризма»

Космос молчал. Не той оглушающей тишиной, что сводит с ума узников вакуумных камер, но величественным, полным скрытой музыки молчанием Безмежья. Артон любил это молчание. В нем слышался рокот рождающихся звезд, тихий шелест гравитационных волн, эхо Великого Взрыва — вся невыразимая словами симфония мироздания. Их корабль, «Странник», был не просто машиной. Он был инструментом, настроенным на эту симфонию, крошечной нотой в бесконечной партитуре. И сейчас эта нота замирала, готовясь влиться в чужую, незнакомую мелодию.

— Входим в плотные слои, — раздался ровный, лишенный эмоций голос Сириуса.
— Включаю поле морфической мимикрии. Цель — третий от Солнца объект класса «Гей-Пандора». Местные называют его «Земля». Какое убогое, плоскостное название для колыбели жизни.

Артон оторвался от обзорного экрана, где чернота сменялась перламутровым сиянием атмосферы. Он улыбнулся. Сириус был предсказуем в своем сарказме, как траектория кометы.

— Не суди имя, не познав суть, — мягко возразил Артон. — «Земля» — это почва, основа. В этом есть своя поэзия. Может быть, они просто стоят у истоков, еще не научились смотреть вверх.

— Судя по радиообмену, который я перехватываю последние три цикла, они не просто не смотрят вверх. Они яростно вгрызаются друг другу в глотки, чтобы не дать поднять голову соседу, — парировал Сириус, не поворачиваясь. Его пальцы, длинные и тонкие, порхали над сенсорной панелью, сотканной из чистого света.

— Уровень агрессии в инфополе... аномальный. Даже для цивилизации углеродного типа на стадии индустриального каннибализма.

В разговор вмешался третий голос, нежный и вибрирующий, словно струна виолончели.

— Я чувствую их. — Дея сидела в своем кресле, закрыв глаза. её лицо, обрамленное волосами цвета расплавленного серебра, было напряжено. — Там боль. Много боли. Старой, заскорузлой, как смола на древнем дереве. И страх. Он... липкий.

Артон подошел и положил ей руку на плечо. По их меркам, Дея была эмпатом невероятной силы. Она могла слышать коллективное бессознательное целой планеты, и сейчас это «слушание» причиняло ей почти физические страдания.

— Сконцентрируйся на отдельных искрах, — посоветовал он. — В любом хаосе есть островки гармонии. Ищи их. Это твоя задача, твое искусство.

Корабль мягко вибрировал, проходя сквозь облака. Поле мимикрии работало безупречно. Снаружи «Странник» выглядел как обычное кучевое облако, чуть более плотное и симметричное, чем его собратья. Ни один радар, ни один спутник не смог бы его обнаружить. Они выбрали точку приземления, руководствуясь странным, но интригующим критерием — максимальная энтропия. Место, где старое и новое, порядок и разруха, величие и упадок смешались в самых причудливых формах. Анализатор указал на город, который местные называли Москвой. А в нем — район с древним именем Замоскворечье.

Корабль бесшумно опустился во двор старого, обшарпанного дома, втиснувшись между ржавым гаражом-ракушкой и кривым тополем, пережившим, казалось, несколько эпох. Материализация прошла мгновенно. Три фигуры, неотличимые от людей, шагнули на мокрый асфальт.

Июль 2025 года встретил их яростным, неестественным ливнем, который за секунду сменил палящий зной. Крупные, тяжелые капли барабанили по крышам, по металлу припаркованных машин, по головам редких прохожих, которые, матерясь, бросились под козырьки подъездов. А через минуту дождь превратился в град размером с перепелиное яйцо. Он с грохотом заскакал по асфальту, оставляя на капотах автомобилей вмятины.

— Климатический коллапс в активной фазе, — констатировал Сириус, невозмутимо наблюдая, как льдинка отскакивает от его плеча. Их одежда, продукт универсального синтезатора, мгновенно адаптировалась, став водонепроницаемой и ударопрочной. — Аборигены, похоже, привыкли. Уровень паники ниже ожидаемого.

Артон смотрел на людей. Они не паниковали. Они были раздражены. Их лица выражали угрюмую усталость, словно этот ледяной душ с неба был лишь очередной мелкой пакостью в череде бесконечных неприятностей. Старик в засаленной кепке стряхивал воду с куртки и что-то бубнил про «американцев с их климатическим оружием». Молодая женщина с коляской отчаянно пыталась укрыть ребенка, её лицо было на грани слез.

Дея прижала руки к груди. — Они... они не видят в этом знака. Для них это просто неудобство. Как сломанный лифт или прорвавшаяся труба. Их души покрыты толстой коркой, я не могу пробиться.

— Это защитная реакция, — предположил Артон, всматриваясь в серые, потекшие от дождя стены домов. Трещины на фасадах напоминали ему шрамы. — Когда хаос становится нормой, сознание перестает его замечать. Оно фокусируется на выживании в мелочах. Это трагично, но в то же время... это тоже форма эволюции. Эпоха Вызовов во всей её неприглядной красе. Болезненный, но, возможно, необходимый этап.

Из окна припаркованной «Лады», дребезжащей под ударами града, доносился голос радиоведущего. Голос был бодрым, почти истерично-веселым, что создавало жуткий контраст с происходящим за окном.

«...и в продолжение темы, наши доблестные освободители успешно завершили очередной этап операции по десектантации на территории бывшей Украины. Как сообщает наш корреспондент с места событий, ликвидирована крупная

ячейка деструктивного культа, чьи адепты, одурманенные западными кураторами, отказывались принять идеалы традиционных ценностей. По словам экспертов, вся страна была поражена этим сектанским вирусом, и наша историческая миссия — провести полную санитарную обработку...»

Сириус медленно повернул голову к Артону. В его глазах, обычно холодных, как далекие звезды, плескался неподдельный интерес исследователя, наткнувшегося на уникальный вид плесени.

— Артон, ты слышишь? Они воюют не за территорию или ресурсы. Они воюют с идеями. «Десектанизация». Какое великолепное, оруэлловское слово. Бюрократизация геноцида.

Артон молчал. Он смотрел на старый тополь, который, несмотря на удары града, упрямо тянул свои ветви к свинцовому небу. В этом упрямстве он увидел больше смысла, чем в бодром голосе из радиоприемника.

— Судя по архитектуре и состоянию дорог, мы прибыли в музей цивилизации на стадии саморазрушения, — произнес, наконец, Сириус свою заготовленную фразу. Он оглядел двор, покрывающийся белой крупной града, грязные лужи, в которых плавали окурки и обрывки рекламных листовок, и добавил уже от себя: — И, похоже, главный экспонат этого музея — абсурд. Концентрированный, дистиллированный, в промышленных масштабах. Мне здесь начинает нравиться.

Град прекратился так же внезапно, как и начался. Из-за туч выглянуло злое, раскаленное солнце. С асфальта пошел пар. Двор наполнился запахом мокрой пыли, бензина и безнадёжности.

Трое пришельцев, три частички далекого, гармоничного мира, стояли посреди этого хаоса и понимали, что их исследовательская миссия только что превратилась в нечто совершенно иное.

Глава 2. Первый контакт с абсурдом

На следующий день Москва сияла чистотой, вымытая вчерашним апокалиптическим ливнем. Солнце пекло немилосердно, плавя остатки асфальта и здравого смысла. Трио исследователей, облачившись в неброскую одежду, сгенерированную «Странником» по образцам из местного инфополя — джинсы,

футболки, кроссовки, — вышло на улицы для осуществления того, что у них называлось «неинвазивным вербальным контактом».

Инициативу взял на себя Артон. Он верил, что универсальный язык добра и чистого намерения должен быть понятен любому разумному существу. Его внутренний настрой был подобен камертону, вибрирующему на частоте вселенской гармонии. Он выбрал объект — женщину средних лет с усталым, но интеллигентным лицом, которая неторопливо шла с авоськой, полной зелени.

Артон подошел к ней, одарив своей самой обезоруживающей, светлой улыбкой.

— Добрый день! Простите за беспокойство. Мы исследователи из... далека. Скажите, пожалуйста, что приносит вам наибольшую радость в этом мире?

Женщина остановилась как вкопанная, её брови поползли на лоб. Она смерила Артона подозрительным взглядом с ног до головы, задержавшись на его идеально чистых кроссовках, что в условиях московских улиц было само по себе вызовом.

— Вы из какой конторы? — спросила она тоном следователя. — Соц-опрос? Я ничего подписывать не буду. И персональные данные не дам. У меня муж юрист.

— Мы не просим ничего подписывать, — мягко пояснил Артон. — Нам просто интересен ваш внутренний мир.

«Внутренний мир» был кодовым словом. Глаза женщины сузились.

— Ага, знаю я ваш «внутренний мир». Сначала про радость спросите, потом квартиру отберете. «Свидетели Иеговы», что ли? Или эти, как их... сайентологи? На вас управы нет! — выпалила она и, крепче сжав авоську, ускорила шаг, почти перейдя на бег.

Артон остался стоять, провожая её растерянным взглядом. Его камертон гармонии издал фальшивую, дребезжащую ноту.

Сириус, наблюдавший сцену из-за газетного киоска, подошел, пряча усмешку. — Первый контакт прошел успешно. Мы выяснили, что концепция «внутреннего мира» здесь приравнена к мошенничеству в особо крупных размерах. Записываю в журнал.

Дея тронула Артона за руку. — Не расстраивайся. Она не злая. Она напугана. Здесь все пропитано страхом, он въелся в стены, в воздух, в души.

Не успела она договорить, как их внимание привлек скандал, разгорающийся у подъезда соседнего дома. Это была классическая сцена из коммунального ада, исполненная с шекспировским трагизмом и базарным надрывом.

Две женщины, обе похожие на бронепоезда, готовые сойтись в лобовой атаке, стояли друг напротив друга. Одна, в цветастом халате и с бигуди в волосах, была классической «бабушкой у подъезда». Вторая, помоложе, но не менее воинственная, выгуливала крошечную собачку, дрожащую от холода.

— Я тебе говорю, Тамара, твой охламон опять свою сатанинскую музыку на всю катушку врубил! — визжала та, что в халате, потрясая в воздухе костлявым пальцем. — У меня от этих бум-бум-бум сердце в пятки уходит! Это ж не музыка, это ритуал какой-то!

— Это не сатанинская музыка, Клавдия Петровна, а техно, — с ледяным достоинством отвечала Тамара. — Мой Виталик — диджей. У него творческий поиск!

— Творческий поиск?! — Клавдия Петровна чуть не задохнулась от возмущения. — Я знаю этот поиск! Он у вас сектант! Я в интернете читала! Они так молодежь зомбируют, а потом квартиры на своего гуру переписывают! Всё, мое терпение лопнуло! Я в РАЦИРС на вас пожалуюсь, самому Дворкину напишу! Он быстро вашему Виталику творческий поиск в другом месте организует! Где-нибудь в Магадане!

Тамара побледнела. Угроза, очевидно, была серьезной. Крошечная собачка, почувствовав страх хозяйки, отважно залаяла на Клавдию Петровну тоненьким, как иголочка, голоском.

— Ах ты, шавка паршивая! — взвилась та и замахнулась на собачку тапком.

Сириус с неподдельным восторгом достал свой инфопланшет.

— Великолепно! Какая драматургия! Переход от бытового конфликта из-за шума к обвинению в подрыве государственных устоев и угрозе ссылкой в Сибирь. За какие-то тридцать секунд. Это рекорд.

Он начал быстро что-то печатать. — «Коллекция земного абсурда. Экспонат номер два. РАЦИРС — высшая инстанция в спорах о музыкальных жанрах. Профессор Дворкин — верховный арбитр творческих поисков».

Дея смотрела на женщин с болью. — Они ненавидят друг друга. Но это не их ненависть. Она чужая, спущенная сверху, как инструкция. Они просто используют готовые формулы, не понимая их смысла. «Сектант», «гуру», «Дворкин» ... Это как заклинания, вызывающие демонов.

Артон кивнул. Он тоже это почувствовал. Абсурд происходящего был не спонтанным, а организованным. Это была система, вирус, поразивший общественное сознание. Люди получили удобный инструмент для канализации своей агрессии, универсальное обвинение, не требующее доказательств. И они с радостью им пользовались, сводя старые счёты, решая квартирные вопросы, избавляясь от неудобных соседей.

Он смотрел на озлобленные лица, на дрожащую собачку, на кривой тополь во дворе и думал о хрупкости разума. О том, как легко цивилизация, достигшая определенных технологических высот, может скатиться в средневековое мракобесие, если её духовный стержень сломан.

Ему на ум пришли строки одного из земных философов, которого он изучал при подготовке к миссии. Он читал его в оригинале, на древнем, певучем французском языке, и сейчас эти слова звучали в его сознании с пугающей точностью.

«L'absurde naît de cette confrontation entre l'appel humain et le silence déraisonnable du monde.»

«Абсурд рождается из столкновения человеческого разума и безрассудного молчания мира», — мысленно перевел он. Только здесь, на этой странной планете, молчание было не у мира. Мир кричал — аномалиями погоды, социальными кризисами. Безрассудно молчал человеческий разум, убаюканный пропагандой и собственным страхом.

Скандал у подъезда затихал. Тамара, подхватив свою твякающую защиту, ретировалась в подъезд. Клавдия Петровна, одержав моральную победу, еще несколько минут метала проклятия ей в спину, после чего с чувством исполненного долга уселась на свою лавочку, превратившись в грозного стража порядка и нравственности.

Глава 3. Глас народа в плазменной панели

Квартира, которую «Странник» снял для них через взломанный сервис краткосрочной аренды, была эталоном земного уюта образца 2025 года и вызывала у пришельцев экзистенциальный ужас. Все здесь было имитацией: ламинат притворялся дубом, пластиковые панели — мрамором, а картина с безмятежным морским пейзажем, купленная в гипермаркете, — искусством. Даже воздух, пропущенный через кондиционер, казался лишенным живых запахов пыли, дождя и цветущей липы. Это было убежище, спроектированное для того, чтобы в нем ничто не напоминало о настоящей жизни.

— Идеальная метафора их цивилизации, — заключил Сириус, проведя пальцем по искусственному цветку в пластиковом горшке. — Фальшивка, имитирующая фальшивку. И, судя по всему, они за это еще и платят.

— Это защитный кокон, — возразил Артон, глядя в окно на хаотичную мозаику соседней многоэтажки, где за каждым светящимся прямоугольником скрывалась отдельная, изолированная вселенная. — Они так боятся внешнего хаоса, что создают внутри своих коробок стерильную, предсказуемую пустоту. Они покупают не вещи, а иллюзию контроля.

— Мне нужно их услышать, — прошептала Дея. Она сидела на диване, обхватив колени руками. Ее эмпатический дар бился о стены этой квартиры, как птица о стекло. — Не голоса на улице, а тот общий гул, который они слушают все вместе. Тот, что формирует их общие сны и кошмары.

Решение было очевидным. В центре комнаты, на специальной тумбе, стоял черный прямоугольник — главный оракул и исповедник этой цивилизации. Сириус легким движением активировал его. Экран вспыхнул, и на них обрушился водопад кричащих красок и звуков. Веселые люди пили газировку, автомобиль на огромной скорости мчался по пустынному шоссе, женщина с экстатической улыбкой нюхала стиральный порошок. Затем каналы замелькали с калейдоскопической скоростью: политическое ток-шоу, где оппоненты брызгали слюной друг на друга; мультфильм про фиолетовое существо непонятного происхождения; концерт, где полуголая певица пела под фонограмму о несчастной любви.

— Анализирую... — с интересом ученого произнес Сириус. — 98% контента направлено на стимуляцию базовых рефлексов: потребление, агрессия, размножение. Интеллектуальная нагрузка на уровне простейших.

Внезапно калейдоскоп замер. Экран залила тревожная сине-багровая графика. Зазвучала зловещая, пульсирующая музыка, от которой у Деи по коже побежали мурашки. Крупными буквами, словно высеченными из камня, появилось название: «ОСТОРОЖНО! БЕРЕГИТЕСЬ».

В студии сидел ведущий с лицом человека, которому только что сообщили о конце света, и он считает своим долгом поделиться этой новостью с максимальным драматизмом.

— Добрый вечер, — произнес он с трагическим придыханием. — Сегодня мы вновь поговорим об угрозе, которая, подобно раковой опухоли, разъедает наше общество изнутри. Они рядом с нами. Они улыбаются вам в метро. Их дети ходят в одну школу с вашими. Они — адепты тоталитарных сект.

На экране замелькали кадры, снятые будто бы скрытой камерой: люди в светлых одеждах водят хоровод, кто-то медитирует, кто-то обнимается. Камера тряслась, изображение было нарочито размытым, а музыка становилась все более зловещей.

— Превосходная работа оператора, — не удержался от комментария Сириус. — Легкая дрожь в руках создает эффект подлинности и опасности. Музыкальный ряд усиливает паранойю. Классика.

Ведущий продолжил: — За вывесками безобидных тренингов личностного роста, оздоровительных практик и философских кружков скрывается страшная реальность: порабощение воли, разрушение семей, выкачивание денег и, самое главное, работа на наших геополитических врагов, стремящихся уничтожить наши духовные скрепы!

На экране появился «эксперт». Это был тот самый человек, чей портрет они видели в газете киоска: мужчина с аккуратной козлиной бородкой и горящим взглядом инквизитора. Подпись гласила: *«Профессор Александр Леонидович Дворкин. Ведущий сектовед страны».*

— Необходимо понимать, — вещал Дворкин, глядя прямо в камеру так, словно заглядывал в душу каждому зрителю и находил там ересь, — что здоровая клетка

общества не может договориться с раковой. Её можно только вырезать. Безжалостно и до конца. Наша задача — провести полную санитарную обработку духовного пространства страны.

Дея тихо ахнула и прижала руку ко рту. — Он говорит о людях... как о мусоре, — прошептала она. — В его словах нет ни грамма тепла, только холод стали, холод скальпеля. Я чувствую... он наслаждается этим. Наслаждается своей властью клеймить и уничтожать.

— Он не просто говорит, — задумчиво произнес Артон, не отрывая взгляда от экрана. — Он создает реальность. Он дает миллионам напуганных, потерянных людей простой и понятный образ врага. Не внешнего, далекого, а внутреннего. Соседа. Коллегу. Любого, кто хоть немного отличается. Он превращает их бытовой страх в священную ненависть. Это... дьявольски гениально.

Репортаж продолжался. На экране показали женщину с заретушированным лицом, которая рыдающим, срывающимся голосом рассказывала, как ее муж «попал в секту»: стал вегетарианцем, начал говорить о гармонии и вселенской любви, а потом ушел из семьи.

— Ушел к гармонии, бросив жену и ипотеку, — резюмировал Сириус с абсолютно серьезным лицом. — Вопиющий случай подрыва государственных устоев. Записываю в бортовой журнал: «Вселенская любовь — отягчающее обстоятельство при бракоразводном процессе».

— Она не понимает, что говорит, — с болью сказала Дея. — Ей дали готовые слова, и она использует их, чтобы объяснить свою личную трагедию. Её боль настоящая, но ненависть, которой она её выражает, — чужая, подсунутая.

Артон кивнул, его взгляд стал отстраненным, словно он смотрел сквозь экран, сквозь стены, в самую суть происходящего. — Они нашли универсальный растворитель для совести. Ярлык «сектант». Как только ты его на кого-то наклеил, этот человек перестает быть человеком. Он становится «раковой клеткой», «угрозой», «объектом для санитарной обработки». И все, что ты с ним делаешь, — уже не преступление, а доблесть. Защита общества. Спасение нации.

Репортаж достиг апогея. Профессор Дворкин снова появился на экране, на этот раз на фоне книжных полок, заставленных толстыми томами, что должно было символизировать несокрушимость его научного авторитета.

— Мы не можем проявлять слабость, — чеканил он слова. — Любая терпимость к этим деструктивным культам будет воспринята как наше поражение. Поэтому я призываю всех сознательных граждан: будьте бдительны! Сообщайте о любой подозрительной активности в правоохранительные органы и в наш Центр. Только вместе мы сможем очистить нашу землю от этой сектансткой заразы!

Зловещая музыка достигла крещендо и резко оборвалась. На экране возникла заставка: «ОСТОРОЖНО! БЕРЕГИТЕСЬ». А через секунду ее сменила реклама. Бодрый, мультяшный пельмень, подпрыгивая, запел веселую песенку про «сочный вкус домашнего обеда».

Этот переход от апокалиптической проповеди к рекламе пельменей был настолько абсурдным, что Сириус впервые за все время не смог сдержать тихий смешок.

— Bravo, — произнес он, выключая телевизор. Комната погрузилась в тишину, которая казалась теперь оглушительной. — Отточенная драматургия. Сначала напугать до полусмерти, а потом предложить утешение в виде еды. Стимуляция — реакция. Классический рефлекс по их ученому Павлову.

Дея смотрела в темный экран, и по ее щеке медленно катилась слеза. — Но почему? — тихо спросила она, обращаясь не к Артону или Сириусу, а будто в пустоту. — Зачем так сильно ненавидеть тех, кто просто хочет быть другим? Кто ищет гармонию, любовь... Зачем превращать это в преступление?

Артон подошел к ней и положил руку ей на плечо. В его глазах не было ни иронии, ни ужаса. Только глубокая, сосредоточенная печаль мыслителя, столкнувшегося с уродливой, но важной загадкой.

— Потому что для системы, построенной на страхе и подчинении, нет ничего опаснее любви и независимого поиска истины, — ответил он. — Это подрывает саму ее основу. То, что ты называешь гармонией, они называют хаосом. Наша исследовательская миссия только что приобрела новый смысл, друзья. Мы прилетели изучить чужую цивилизацию. А похоже, нам придется понять, как она умудряется не погибнуть от яда, который сама же и вырабатывает. И почему этот яд кажется ей лекарством.

Глава 4. Газета «Ириней» и профессор Дворкин

— Мне нужен доступ к их основным источникам информации, — сказал Артон, поворачиваясь к Сириусу. — Газеты, литература, и то, что они называют «интернетом». Я хочу понять анатомию этого вируса. Кто его создал и как он распространяется.

Сириус убрал планшет. — С удовольствием. Поход в газетный киоск обещает быть более продуктивным, чем попытка заглянуть в местный «внутренний мир». По крайней мере, бумага не обвинит нас в мошенничестве. Хотя... кто знает.

Газетный киоск, в который направился Сириус, был сам по себе артефактом, достойным его коллекции. Маленькая металлическая будка, обклеенная выцветшими рекламными стикерами, предлагала ошеломляющий ассортимент печатной продукции. Глянцевые журналы с фотографиями силиконовых див соседствовали с патриотическими еженедельниками, где суровые мужчины в камуфляже обнимали детей. Сканворды, сонники, советы по выращиванию гигантских кабачков на балконе и толстые литературные журналы, которые, казалось, никто никогда не покупал. Это был срез информационного поля цивилизации — хаотичный, противоречивый и отчаянно пытающийся продать хоть что-нибудь.

За окошком сидела женщина неопределенного возраста с лицом, на котором застыло выражение вселенской скорби, будто она лично несла ответственность за все опечатки мира.

— Мне, пожалуйста, подборку самых... характерных изданий, — попросил Сириус, протягивая купюру, сгенерированную синтезатором-ассемблером. — Что-нибудь, что отражает дух времени.

Женщина окинула его тяжелым взглядом.

— Дух времени — вот, берите, — она шлепнула на прилавок несколько газет. — «Российский Патриот», «Завтрашняя Правда» и «Ириней». Там вам весь дух и опишут. С картинками.

Сириус расплатился и с любопытством исследователя понес добычу на скамейку в сквере, где его уже ждали Артон и Дея.

«Российский Патриот» и «Завтрашняя Правда» были предсказуемы. Крупные заголовки кричали о победах на всех фронтах — военных, экономических и духовных. Враги были повсюду, но Родина стояла нерушимой скалой. Фотографии улыбающихся детей, суровых солдат и мудрых генералов сменяли друг друга.

Но «Ириней» была другой.

Это была газета, отпечатанная на плохой, сероватой бумаге, но её тон был не просто патриотическим — он был истерическим. Она не утверждала, она клеймила. Не информировала, а доносила. Вся первая полоса была посвящена «скрытой угрозе, разъедающей наше общество». И под огромным заголовком «ОСТОРОЖНО СЕКТЫ! ОНИ СРЕДИ НАС!» красовался портрет человека с выглаженной козлиной бородкой, пронзительным взглядом сумасшедшего на грани истерии, и выражением лица, сочетавшим в себе отеческую заботу и брезгливость хирурга перед операцией. Подпись гласила: «Профессор Александр Леонидович Дворкин, доктор исторических и богословских наук, ведущий сектовед страны».

— Вот и наш арбитр творческих поисков, — прокомментировал Сириус, передавая газету Артону.

Артон начал читать. Статья была интервью с профессором Дворкиным. И с первых же строк его будто окатило ледяной водой. Язык статьи был языком войны, но войны не с армиями, а с собственными гражданами. Дворкин говорил не о людях, а о явлениях, об угрозах, о метастазах.

«...необходимо понимать, — вещал профессор со страниц газеты, — что деструктивные культы, которые мы для краткости называем сектами, ведут себя в обществе, как раковая опухоль в организме. Они мимикрируют, притворяются безобидными кружками по интересам, оздоровительными центрами или философскими школами. Но их суть одна — высасывать из нации жизненные соки, разрушать семьи, поработать умы и служить интересам наших геополитических врагов. Здоровая клетка не может договориться с раковой, её можно только вырезать. Безжалостно и до конца».

Дея, читавшая через плечо Артона, вздрогнула. — Эти слова... они холодные, как скальпель. В них нет ни капли сочувствия, только функция. Убить, чтобы «вылечить».

Артон молча перевернул страницу. Дальше шла краткая, но очень комплиментарная биография профессора. Родился в семье потомственных интеллигентов. С юности искал духовную истину. В смутные девяностые, когда страну наводнили «западные проповедники», он один из первых понял масштаб угрозы. Проходил стажировку в Дании, в авторитетном международном «Диалог-Центре», где перенимал передовой европейский опыт борьбы с культами. Вернувшись на родину, основал Центр религиоведческих исследований, который стал главным форпостом на пути духовной заразы. Автор десятков монографий, сотен статей. Консультант силовых структур. Неутомимый борец.

— Интересно, — протянул Сириус, заглядывая в газету. — «Передовой европейский опыт». Что-то мне подсказывает, что этот опыт имеет очень специфический запах. Нужно будет проверить этот «Диалог-Центр».

Он откинулся на спинку скамейки и посмотрел на суесящихся в сквере голубей, которые дрались за брошенную кем-то крошку хлеба.

— Какая стройная, законченная система, — произнес он задумчиво. — Они создают врага изнутри. Не абстрактного, далекого, а соседа, коллегу, родственника. Они дают людям простой и понятный объект для ненависти. И что самое гениальное — они делают это под видом заботы и защиты. *«Мы защищаем вас от раковой опухоли! Мы спасаем ваших детей!»*. Это позволяет обывателю, терзающему своего соседа за громкую музыку, чувствовать себя не мелким пакостником, а сознательным гражданином, санитаром общества.

Артон кивнул.

— Они не просто навязывают свое мнение. Они создают иллюзию, что это мнение — единственно верное, научное, подтвержденное авторитетом вот таких «профессоров». Они формируют реальность, в которой любое инакомыслие — это симптом болезни.

Сириус усмехнулся своей кривой усмешкой. — Классика жанра. Система, настолько прогнившая, что ей требуются внутренние враги для оправдания собственного существования. Они даже не ленятся придумывать что-то новое. Один из их мыслителей, некий Эрик Хоффер, кажется, сформулировал это предельно точно.

Он закрыл глаза, на мгновение подключаясь к инфобазе «Странника», где хранились триллионы единиц информации о земной культуре.

— Да, вот оно. *«Пропаганда не обманывает людей, она лишь помогает им обманывать себя»*. — Сириус открыл глаза и посмотрел на Артона. — Эти люди *хотят* верить, что их сосед — сектант, что все их беды от «раковой опухоли», а не от собственной трусости и лени. А профессор Дворкин любезно предоставляет им наукообразное обоснование для их самообмана. Гениально и чудовищно одновременно.

Дея смотрела на людей, снующих по аллеям сквера. На молодую мать с коляской, на старика, читающего газету, на парочку подростков, слушающих музыку в одном наушнике на двоих. Она пыталась «прослушать» их внутреннюю мелодию, но общий фон страха и недоверия был слишком громким. — Я смотрю на их лица, — тихо сказала она. — В них столько усталости. Они ищут опору, ищут что-то простое и понятное в этом хаотичном мире. И вот приходит человек, который говорит: *«Вот враг. Ненавись его, и все станет на свои места»*. Это так соблазнительно. Это освобождает от необходимости думать, сомневаться, сочувствовать. Это самое страшное искушение для уставшей души — искушение простой ненавистью.

Артон сложил газету. Бумага казалась ядовитой. — Мы должны пойти в этот «Центр религиоведческих исследований», — сказал он. — Я хочу посмотреть в глаза этому человеку. Я хочу понять, верит ли он сам в то, что говорит. Или он просто циничный оператор этой машины ненависти.

— О, я почти уверен, что верит, — отозвался Сириус. — Самые страшные чудовища — идейные.

Он встал. — Что ж, поход в логово «санитаров общества» обещает быть увлекательным. Главное — не забыть надеть защитные костюмы. Не от радиации, а от глупости. Она, похоже, здесь куда заразнее.

Они оставили газеты на скамейке. Через минуту их подобрал дворник в оранжевом жилете. Он мельком глянул на портрет Дворкина, одобрительно хмыкнул и аккуратно сложил «Ириней» в свой карман. Дух времени нашел еще одного своего носителя.

Глава 5. Тяжелое наследие Кюннета

Квартира-кокон, их временное убежище, гудела. Но гул этот исходил не от неисправного кондиционера или холодильника, а от «Странника», невидимо припаркованного во дворе. Его аналитические системы, подключенные Сириусом к земным информационным сетям, работали с напряжением, которое Дея ощущала как низкочастотную вибрацию, отдающуюся прямо в костях. После просмотра пропагандистской передачи и изучения «Ириней» они перешли от поверхностного наблюдения к глубокому бурению.

— Я хочу видеть, как это работает на практике, — сказал Артон, расхаживая по комнате. Его философское спокойствие было нарушено. — Не в теории, не в криках с экрана, а в реальных судьбах. Покажи нам, как скальпель этого «профессора» кромсает живую ткань общества.

— С удовольствием, — отозвался Сириус. Его пальцы танцевали над световой панелью, и на стене, где еще вчера висел безмятежный морской пейзаж, возникла сложная, многоуровневая диаграмма. — Вашему вниманию представляется дело гражданки Елены Брессем. Наглядное пособие по организации правосудия в замкнутом цикле.

Дело, извлеченное им из взломанных судебных архивов, было чудовищно в своей простоте. Успешная предпринимательница. Мать двоих детей. И «грех» — она работала дистрибьютором «Гербалайф», не одобренной профессором Дворкиным. Бывший муж, желая получить полный контроль над детьми и бизнесом, нашел идеальное оружие.

Сириус с сарказмом дирижера вел их по схеме, которую он тут же набросал.

— Пункт первый: бывший муж обращается к своему адвокату, господину Корелову. Пункт второй: адвокат Корелов, по невероятному совпадению являющийся председателем Юридического комитета при РАЦИРС, пишет официальный запрос на экспертизу... кому бы вы думали? Александру Леонидовичу Дворкину, главе РАЦИРС!

Он сделал паузу, давая абсурду ситуации настояться.

— Я правильно понимаю? — уточнил Артон. — Правая рука пишет прошение левой руке, чтобы та подтвердила, что обе руки чисты?

— Именно! Это называется автореферентный цикл, или, по-простому, Уроборос бюрократического террора, — с восторгом патологоанатома произнес Сириус. — Дальше — еще изящнее. Пункт третий: профессор Дворкин, получив запрос от своего же юриста, пишет «экспертное заключение». На чем оно основано? Не на анализе личности Елены, нет. Оно основано на... — Сириус выдержал мхатовскую паузу, — ...на итоговых декларациях конференций РАЦИРС! То есть, он ссылается на документы, которые он сам же и написал на своих же мероприятиях!

— Они сами создают прецеденты, — прошептала Дея. — Сами вешают ярлык, а потом используют его как доказательство.

— Пункт четвертый, вишенка на торте, — Сириус ткнул пальцем в финальный узел схемы. — С этим «заключением», не имеющим никакой юридической силы, они идут в суд. А в качестве свидетеля обвинения приглашают... профессора Дворкина! Который, разумеется, подтверждает выводы своего же заключения. Женщину пытаются лишить детей и признать невменяемой на основании документа, где один сотрудник системы ссылается на другого сотрудника той же системы. Какая чистота жанра! Это же вечный двигатель репрессий, работающий на лжи и производящий человеческие страдания с потрясающей энергоэффективностью!

Артон молчал. Его ужасал не сам факт подлога, а его будничность, его «законность». Это было не просто насилие, это был институциональный газлайтинг, когда целая государственная машина с печатями и подписями убеждала жертву, что она сошла с ума. Это была медленная, юридически оформленная казнь души.

— Нельзя просто стоять и любоваться тем, как гниет эта рана, — голос Деи дрогнул. Она смотрела на фотографию Елены Брессем с детьми, извлеченную из материалов дела. — Я чувствую ее. Годы, потраченные на суды. Страх, что у тебя отнимут самое дорогое. Это не «изящная система», Сириус. Это пытка. Наш протокол о невмешательстве... здесь он аморален.

Впервые за все время пребывания на Земле в их команде возникло открытое разногласие.

— Мы наблюдатели, Дея, — мягко, но твердо сказал Артон. — Наша задача — понять законы, по которым развивается или деградирует цивилизация. Вмешательство исказит чистоту эксперимента.

— К черту чистоту эксперимента, когда на твоих глазах убивают! — воскликнула она. — Может, медленно, может, без крови, но убивают! Что мы будем изучать, когда они друг друга уничтожат? Пепел?

Сириус, на удивление, не стал иронизировать. Он задумчиво смотрел на схему. — В биографии нашего профессора, — сказал он, обращаясь к Артону, — был интригующий пункт. «Стажировка в передовом европейском "Диалог-Центре" у Йоханнеса Огорда». Мне кажется, этот «передовой опыт» имеет очень специфический запах. Давай проследим эту нить. Возможно, наш «экспонат» — не местный эндемик, а завозной вид.

Это был поворотный момент. Аналитические системы «Странника» заработали на полную мощность, просеивая терабайты исторических архивов, научных статей, рассекреченных документов. И то, что они обнаружили, заставило даже сарказм Сириуса замолчать.

На стене начала выстраиваться новая диаграмма. На этот раз это была не кольцевая схема, а прямая, зловещая линия преемственности, уходящая в самые темные подвалы земной истории XX века.

— О, звезды... — только и смог выдохнуть Артон.

Сириус молча выводил на экран портреты и даты. Его голос звучал сухо, как сводка с поля боя.

1. Вальтер Кюннет (Walter Kunneth). Германия.

Протестантский пастор, теолог, ярый антисемит. Глава «Апологетического центра» при церкви. Официальная цель — защита христианства от «неправильных» течений. Реальная — сбор компромата и составление «черных списков» для властей. Его наработки стали ключевым инструментом гестапо в преследовании евреев, Свидетелей Иеговы и всех, кто не вписывался в идеологию Третьего рейха. Рядом с его портретом вспыхнули слова: *ДЕГУМАНИЗАЦИЯ, РАКОВАЯ ОПУХОЛЬ, ПАРАЗИТЫ, ВРАГИ НАРОДА.*

2. Фридрих Вильгельм Хаак (Friedrich Wilhelm Haack). Послевоенная Германия.

Пастор. Ученик и последователь Кюннета. Тщательно сохранил архивы и, что важнее, саму методологию ненависти. Он стал мостом, перекинувшим идеологию через пропасть военного трибунала.

3. Йоханнес Огорд (Johannes Aagaard). Дания, 1970-е.

Датский пастор. Перенял эстафету от Хаака. Упаковал нацистские технологии в респектабельную обертку «научных исследований» и «межконфессионального диалога». Основал международную сеть «Диалог-Центров», ставшую инкубатором для «сектоведов» по всей Европе.

4. Александр Дворкин. Россия, начало 1990-х.

Молодой эмигрант, прошедший «стажировку» в датском «Диалог-Центре» у Огорда. Вернувшись в Россию на заре ее новой демократии, он привез с собой не просто идеи, а отточенную, смертоносную технологию. Он стал последним звеном в этой цепи. Или первым звеном новой.

Схема замерла. Четыре портрета, словно четыре всадника информационного апокалипсиса, смотрели на них со стены.

— Это не просто абсурд... — голос Артона был едва слышен. — Это рецидив. Исторический рецидив планетарного масштаба. Страна, построившая свою историю на победе над нацизмом, импортировала и внедрила его ключевые репрессивные методики... Это трагедия, достойная пера их Шекспира.

Но Сириус не остановился. Линия на экране разветвилась, и одна из ветвей устремилась к Балканам. На стене замелькали кадры югославских войн.

— Был и полигон для полевых испытаний, — ледяным тоном продолжил аналитик. — Бывшая Югославия. Полковник Братислав Петрович, военный нейропсихиатр и... глава белградского филиала «Диалог-Центра». Томас Гандоу, координатор берлинского филиала. И наш Дворкин. Все они — в редколлегии одного журнала, «Белградский Диалог».

На экране возникла обложка журнала. А рядом — фотографии из Сребреницы. И цифра: 8 000.

— Они применили свою стандартную методичку к целым народам, — закончил Сириус. — Боснийские мусульмане для них были «сектантами» и «террористами». Сначала — дегуманизация в прессе и «экспертных докладах». А потом приходит солдат с промытыми мозгами и убивает «недочеловека».

Он выключил проекцию. Комната погрузилась в тишину, тяжелую, как надгробная плита.

Веселый сарказм, с которого началось их исследование, испарился без следа. Сириус смотрел в темную стену, и в его глазах плескалась холодная ярость. — Это не экспонат для коллекции, — произнес он, нарушив молчание. — Это самовоспроизводящийся информационный патоген с доказанной летальностью. Его нельзя изучать. Его нужно нейтрализовать.

Артон медленно кивнул. Его лицо, обычно выражавшее ироничное любопытство, окаменело.

— Это искусственно созданный яд. Человечество застряло в исторической петле, потому что оно разучилось распознавать зло, которое само же и порождает. Оно снова и снова пьет из отравленного колодца, каждый раз удивляясь, почему ему так больно.

И тогда заговорила Дея. Слезы высохли на ее щеках. Ее эмпатический дар, который до этого был источником невыносимой боли, теперь превратился в оружие. В ее голосе звенела сталь. — Я слышу их всех. Тех, кого сжигали на кострах инквизиции. Тех, кого травили в газовых камерах. Тех, кого расстреливали в Сребренице. Тех, кого сегодня травят в России. Это одна и та же боль. Одна и та же мелодия ненависти. И она не должна звучать больше.

ЧАСТЬ II: ВОСПОМИНАНИЯ О ДОМЕ

Вечер опустился на московскую квартиру-кокон, заперев их в стерильной тишине. За окном угасал суетливый день, оставляя после себя лишь гул усталого города и тусклый свет уличных фонарей. Артон, Сириус и Дея сидели молча, каждый погруженный в свои мысли. Воздух в комнате казался плотным, насыщенным отголосками дневных открытий: криками с телеэкранов, холодной жестокостью газетных строк, призраками прошлого, которые Сириус вытаскил из глубин земных архивов.

Этот мир давил своей разобщенностью. Каждое взаимодействие здесь было транзакцией, каждая улыбка — потенциальной маской, каждое слово — возможной ложью. После дней, проведенных в этом диссонирующем шуме, их внутренний мир, настроенный на иные частоты, жаждал гармонии. И тогда, почти одновременно, они сделали то, что всегда помогало им восстановить равновесие — они обратились к воспоминаниям о доме. О Симфонии.

Это не было бегством. Это была необходимость. Чтобы противостоять яду, нужно было вспомнить вкус чистой воды. Чтобы не утонуть во тьме, нужно было зажечь внутри свет своего собственного мира — мира, где гармония была не утопией, а законом физики, где эмпатия была не слабостью, а способом познания, и где каждый был уникальной, но неотъемлемой частью единой, бесконечной мелодии.

Воспоминания Артона — Гармония Мысли

Артон смотрел на трещину на потолке, напоминавшую русло высохшей реки. Его взгляд расфокусировался, и убогая геометрия московской квартиры растворилась, уступая место залитым мягким светом залам Школы Космического Резонанса. Ему снова было двенадцать циклов.

Он вспомнил свой первый «Великий Спор». Это не было соревнованием. У них не было соревнований. Это было совместное построение концепции, архитектурное упражнение для разума. Темой спора была природа одиночества. Концепция, почти мифическая для них, но описанная в архивах контактов с молодыми цивилизациями.

Их наставник, седовласый философ по имени Лир, не давал им ответов. Он лишь задал вопрос: «Может ли нота звучать в пустоте?»

Артон тогда, юный и самоуверенный, выступил первым. Он утверждал, что нота существует независимо от того, слышит ли ее кто-то. Она — вибрация, физическое явление. Ее сущность не меняется от наличия или отсутствия слушателя.

Его оппонентом была девушка с глазами цвета аметиста, Элара. Она возразила. «Нота без слушателя — это просто колебание воздуха, — тихо, но уверенно произнесла она, и ее мысль, чистая и ясная, коснулась сознания каждого присутствующего через поле эмпатического резонанса. — Звучанием она становится лишь в восприятии. Музыка рождается на стыке источника и сознания. В пустоте нет музыки, есть лишь потенциал».

На Земле такой спор превратился бы в битву эго. Каждый отстаивал бы свою правоту, стремясь уничтожить аргументы противника. Но там, в зале, залитом светом двух солнц, происходило иное. Артон не почувствовал укола гордости. Он почувствовал... расширение. Аргумент Элара не разрушил его концепцию, а дополнил ее, придал ей объем. Он увидел, что его логика была плоской, двухмерной. Она же добавила третье измерение — восприятие.

«Истина не в твоей точке, Артон, и не в точке Элара, — мягко произнес тогда Лир, и его мысль была теплой, как свет утренней звезды. — Истина — это пространство между вашими точками и всеми остальными. Продолжайте строить».

И они продолжили. Кто-то добавил идею о памяти, о том, что нота может звучать в сознании даже после того, как физическая вибрация угасла. Кто-то говорил о коллективном сознании, где каждая «нота» личности становится частью общей гармонии, и потому одиночество в принципе невозможно. Они не спорили, они ткали полотно смысла, каждый добавляя свою уникальную нить.

В конце дня у них не было победителя. У них было произведение искусства — многомерная, переливающаяся смыслами концепция одиночества, которую они создали вместе. И каждый, уходя, чувствовал себя не победителем или проигравшим, а соавтором.

Артон горько усмехнулся, возвращаясь мыслями в московскую квартиру. Здесь, на Земле, люди отчаянно сражались за свои «точки», не понимая, что истина — это всегда объем. Они строили стены вокруг своих мнений, вместо того чтобы строить

мосты. Их «споры» в телешоу были не поиском истины, а гладиаторскими боями, где цель — не созидание, а уничтожение. Они жили в какофонии одиноких, кричащих нот, не способных слиться в аккорд. И от этого осознания боль Деи, которую он чувствовал через плечо, становилась и его собственной.

Воспоминания Сириуса — Симфония Творения

Сириус закрыл глаза, отстраняясь от убожества комнаты. Пластиковый подоконник, имитирующий мрамор, вызывал у него почти физическое отвращение — нелепая, бессмысленная ложь материала. Его разум, жаждущий логики и эффективности, перенесся домой, на висячие террасы города-сада Алитиум, где он проходил свою первую практику как инженер-конструктор.

Его задачей было не «построить» мост между двумя парящими в воздухе островами-районами, а «вырастить» его.

Он вспомнил, как стоял перед кристаллическим основанием, держа в руках резонатор. Его наставник, старый инженер Каэл, положил ему руку на плечо. «Не думай о форме, Сириус, — его мысль была точной и острой, как лазерный луч. — Думай о потоке. Мост — это не структура. Это застывшая мелодия, направляющая движение. Почувствуй гравитационные линии. Почувствуй вес тех, кто по нему пойдет. Почувствуй ветер, который будет его омывать. Твоя задача — не навязать свою волю материи, а найти для нее самую гармоничную песню».

Сириус часами стоял там, вслушиваясь. Не ушами, а всем своим существом. Он «слушал» напряжение в кристаллической решетке, математику гравитационных волн, потребности будущих пешеходов. Это не было мистикой. Это была высшая инженерия, где математика, физика и эмпатия были неразделимы.

И когда он наконец нашел нужный резонанс, он включил резонатор. Кристалл-основание ожил. Из него, повинаясь заданной гармонической программе, начали расти светящиеся нити. Они переплетались, образуя ажурную, но невероятно прочную конструкцию, больше похожую на застывший свет, чем на материальный объект. Мост не доминировал над пейзажем. Он вписывался в него, становясь его естественным продолжением. По нему тут же побежали потоки энергии, питающие остров, а его поверхность покрылась самовосстанавливающимся мхом, который светился в темноте, указывая путь.

Сириус вспомнил то чувство... чистого, незамутненного восторга творца. Не покорителя природы, а ее соавтора. Их технологии не производили отходов, потому что сама концепция «отхода» была признаком неэффективности, фальшивой ноты в общей симфонии производства. Энергия черпалась из разницы космических температур, транспорт был бесшумным гравитационным потоком. Никто не «работал» в земном понимании этого слова — то есть, не продавал свое время за право на выживание. Каждый занимался творчеством, внося свой вклад в общую гармонию, и получал от общества все необходимое по умолчанию.

Он открыл глаза. Перед ним был стол из ДСП с наклеенной пленкой «под дерево». Скрипучий, нелогичный, созданный на шумном, отравляющем планету заводе, чтобы потом оказаться на свалке, отравляя ее дальше. Вся земная техносфера показалась ему гигантским памятником абсурду. Они создавали вещи, чтобы те ломались. Они производили еду, которая их убивала. Они строили транспорт, который отравлял воздух, которым они дышали. Это была не симфония творения. Это был грохот самоуничтожения. И впервые за долгое время холодный аналитический интерес Сириуса сменился почти жалостью.

Воспоминания Деи — Мелодия Жизни

Прикосновение Артона к ее плечу было теплым и знакомым, но оно не могло заглушить ледяной холод, который она впитала из этого мира. Чтобы согреться, Дея нырнула в самое дорогое воспоминание — о дне, когда ее маленький сын, Рион, совершил свой первый диссонирующий поступок.

На Симфонии не было понятия «проступок» или «наказание». Было понятие «диссонанс» — нарушение гармонии. Рион, играя у кристального ручья, из детского любопытства сломал крыло люминисцентной стрекозе, существу, чье свечение было частью ночной экосистемы их сада.

На Земле его бы отшлепали, накричали, поставили в угол. Изолировали бы его с его виной. Но Дея сделала иное. Она не сказала ни слова. Она просто взяла его на руки, подошла к раненому насекомому и раскрыла свой эмпатический дар, соединив сознание сына с болью крошечного существа.

Рион замер. Его глаза расширились от ужаса. Он не просто увидел, он почувствовал — острую, жгучую боль в своем фантомном крыле, панику маленького создания, его угасающий свет. А затем Дея расширила поле, и он почувствовал другое: едва заметную пустоту в общей мелодии ночного сада, крошечный провал в хоре светлячков, тревогу растений, которые зависели от света этих стрекоз. Он почувствовал, как его маленький, необдуманный поступок создал крошечную, но уродливую рябь на гладкой поверхности их мира.

Слезы хлынули из его глаз. Это были не слезы обиды или страха перед наказанием. Это были слезы раскаяния, слезы эмпатии. Он не «понял», что поступил плохо. Он почувствовал это всем своим существом.

— Теперь ты знаешь, — тихо прошептала тогда Дея, и ее собственная боль за стрекозу смешивалась с любовью к сыну. — Гармония хрупка, мой маленький. Наша главная задача — не нарушать ее. А если нарушил — исцелить.

Они вместе создали для стрекозы крошечный кокон из целебных листьев, и Рион несколько дней сидел рядом, посылая существу потоки своей эмпатии, свое детское, но искреннее желание исправить содеянное.

Это воспоминание было для Деи квинтэссенцией их жизни. Семья как «кластер резонанса», где чувства не нужно было объяснять словами. Дети, которых не наказывали, а учили слушать мир. Искусство, которое было не в музеях, а в каждом жесте: в том, как готовили пищу, в том, как выращивали сады, в том, как общались друг с другом. Их жизнь была непрерывным танцем, мелодией, которую они сочиняли вместе.

Дея посмотрела на своих друзей. На окаменевшее от тяжелых мыслей лицо Артона. На холодную ярость в глазах Сириуса. Она ощущала их состояние так же ясно, как боль той стрекозы. И она поняла: сейчас они тоже ранены. Этот мир сломал им крылья. И их задача — не спрятаться в кокон, а найти способ исцелить друг друга и, возможно, указать путь исцеления этому отчаявшемуся, оглохшему от собственной ненависти миру.

Тишина в комнате больше не была стерильной и пустой. Она наполнилась невысказанным. Образами сияющих городов, звуками философских споров, теплом эмпатических объятий. Три разных воспоминания слились в один мощный аккорд — пронзительную ноту ностальгии. Тоски по дому.

Они смотрели друг на друга, и слова были не нужны. В их общем молчании читалось одно и то же: их мир не был просто «лучше». Он был другим на фундаментальном уровне. Он был построен на принципе единства, в то время как Земля разрывала себя на части в агонии отчуждения.

— Они забыли, как звучит тишина, — наконец произнес Артон, и голос его был глух. — Поэтому они так боятся ее и пытаются заглушить криком.

— Они разучились строить, — добавил Сириус. — Поэтому они так одержимы разрушением.

— Они разучились чувствовать друг друга, — закончила Дея. — Поэтому им так легко ненавидеть.

И в этот момент их миссия обрела окончательную ясность. Они были здесь не просто как наблюдатели и не как спасатели. Они были хранителями памяти. Носителями камертона, который когда-то может помочь этой цивилизации снова найти свою истинную ноту. Надежда была хрупкой, как крыло стрекозы, но она была. И ради нее стоило остаться в этом мире боли и хаоса. Ради нее стоило настроить свой внутренний инструмент и приготовиться играть самую сложную партию в своей жизни.

ЧАСТЬ III: ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС РОССИИ

Глава 6. Голоса в эфире

Экран ноутбука подсвечивал лицо Алексея холодным, почти неземным светом. Берлинская ночь за окном была тихой и чернильно-черной, но в его квартире гудело напряжение. В маленьком квадрате видеозвонка застывшее, рассыпающееся на пиксели лицо матери сменялось значком буферизации. WhatsApp. Снова WhatsApp. Десятая попытка за вечер.

«Ма?.. Ты меня слышишь?» — Алексей наклонился ближе к микрофону, словно это могло протолкнуть его голос сквозь тысячи километров и цифровые барьеры.

Изображение на миг ожило. Елена, его мать, сидела на своей маленькой кухне в крошечном городке новоявленной республики. За ее спиной виднелся угол старого холодильника и выцветший календарь. Связь была отвратительной, звук рвался, донося обрывки фраз, но кое-что пробивалось идеально чисто — голос диктора из телевизора, работавшего на фоне. «...беспрецедентный рост экономики... сплоченность нации перед лицом внешних угроз... очередная убедительная победа наших героев...»

«...Леша, слышу... плохо...» — донеслось из динамиков. Картинка снова замерла. Елена смотрела куда-то в сторону, на губах застыла полуулыбка, но в глазах читалась бесконечная усталость.

«Мам, я говорю, может, попробуем через...» — начал было Алексей, но его оборвал ее внезапно ставший четким голос.

«Тише, Алешенька, тише», — она оглянулась, словно кто-то мог подслушать их в пустой квартире, и понизила голос до шепота. Экран ожил, и теперь Алексей видел ее лицо близко, почти без помех. «У нас все хорошо, все спокойно. Только вот...» — она сделала паузу, подбирая слова. — «Помнишь Ивана Елисеевича, соседа нашего? Зятя его уже нет...» — она снова замолчала, и ее взгляд на секунду стал пустым. — «...и мужа внучки тоже. Привезли на днях. Ну, ты понял...»

Алексей понял. Он не знал ни зятя, ни мужа внучки, но знал, что значат эти эвфемизмы, которыми теперь изъяснялась вся страна. «Нет» — это не уехал. Не развелся. Это пустота, оставшаяся после человека.

«А так у нас все хорошо, все спокойно», — повторила она, как мантру. — «Ты-то как? Кушаешь хорошо?»

На фоне снова прорвался телевизор: «...в рамках борьбы с телефонным мошенничеством и для защиты наших граждан, в ближайшее время будет ограничен доступ к ряду иностранных мессенджеров, распространяющих враждебную информацию...»

«Мам, ты слышала?» — встревоженно спросил Алексей. — «Они собираются отключить все. Как мы будем говорить?»

«Не знаю, сынок. Что-нибудь придумаем», — она попыталась улыбнуться, но вышло жалко. — «Может, это и к лучшему. Мошенники и правда одолели, звонят старикам...»

Ее голос снова утонул в цифровом шуме. Изображение рассыпалось на зеленые квадраты, и посреди экрана появилось уведомление: «Повторное подключение...»

Алексей смотрел на него, не двигаясь. Десять секунд. Двадцать. Минута.

«Вызов завершен».

Черный экран отразил его лицо — напряженное, с пролегшей между бровей морщиной. Он остался один в тишине своей берлинской квартиры, но в ушах стоял гул. Гул обрывающейся связи, гул телевизионной пропаганды и едва слышный шепот матери, рассказывающей о соседях, которых «уже нет». Тревога, до этого момента бывшая лишь фоновым шумом, превратилась в ледяной ком в груди. Занавес опускался, и он чувствовал это физически, как падение давления перед бурей.

Глава 7. Цифровая стена

На следующее утро Алексей проснулся с ощущением, будто не спал вовсе. Черный экран WhatsApp стоял перед глазами. Тревога сменилась холодной, аналитической злостью. Он — IT-специалист, аналитик данных. Его работа —

находить закономерности в хаосе, прокладывать пути там, где их, казалось бы, нет. И сейчас его главной задачей стало пробиться через стену, которую на его глазах возводили вокруг его родины.

Он сел за рабочий стол, отодвинув в сторону проекты, связанные с анализом потребительского поведения для немецкого ритейлера. Сегодня его big data — это его собственная страна.

Он начал методично, как привык работать. Сначала — карта минного поля.

Facebook, Instagram. Заблокированы давно. Он открыл терминал и запустил команду ping facebook.com. Request timeout. Ожидаемо. Решение суда, признание Meta «экстремистской организацией». Формально WhatsApp тоже принадлежал им, но его пока не трогали, считая «средством общения, а не распространения информации». Ключевое слово — «пока».

YouTube. Работает, но с переменным успехом. Алексей открыл аналитические отчеты, которые читал пару недель назад. «Пессимизация трафика», «деградация инфраструктуры Google Global Cache». Красивые термины для простого факта: видео в высоком разрешении грузились вечно, а иногда и вовсе не запускались. Государство не блокировало ресурс напрямую, а душило его, делая использование невыносимым.

VPN. Его надежный, платный VPN-сервис, который исправно работал годами, стал давать сбои. Соединения рвались. Пинги к серверам в соседних странах, раньше составлявшие 30-40 миллисекунд, теперь скакали до 300, 500, а то и вовсе терялись. Он зашел на специализированные форумы. Десятки тем: «Роскомнадзор тестирует новые алгоритмы ТСПУ», «Блокировки по протоколам OpenVPN и WireGuard». ТСПУ — технические средства противодействия угрозам. Черные ящики с технологией DPI (Deep Packet Inspection), установленные у каждого провайдера, которые анализировали весь трафик и рубили то, что считали нужным. Великая Цифровая Стена России.

Мир, который он знал — открытый, глобальный, связанный — сужался на глазах. Это было не просто отключение сайтов. Это было физически ощутимое изменение самой ткани реальности, сужение пространства возможностей.

Он перебирал мессенджеры.

Telegram. Звонки уже почти не проходили. Текстовые сообщения — с задержками. Его основатель, когда-то воевавший с системой, теперь делал туманные заявления, допуская полную блокировку.

Viber, Skype. Почти мертвы. Забытые реликты прошлой эпохи.

Алексей потратил два часа, просеивая технические блоги и анонимные каналы. Он искал лазейку, еще не замеченную «товарищем майором», который сидел где-то за пультом управления ТСПУ. Наконец, он нашел. Небольшой, малоизвестный мессенджер со сквозным шифрованием. Его трафик, по словам разработчиков, маскировался под что-то безобидное, что DPI пока не научились распознавать.

Шанс был невелик. Но это был шанс.

Он быстро написал инструкцию. Простую, пошаговую, с картинками, как для ребенка.

Мам, зайди в этот магазин приложений.

В поиске напиши вот это название.

Нажми «установить».

Открой. Я тебе позвоню.

Он отправил сообщение в еще работающий WhatsApp, сопроводив его единственной фразой: «Мам, сделай это, пожалуйста. Это важно».

Нажав «отправить», он откинулся на спинку кресла. Он чувствовал себя сапером, который только что заложил заряд, но не знает, сработает ли он, и не взорвется ли все прямо у него в руках. Он смотрел на две серые галочки под своим сообщением, ожидая, когда они станут синими. Ожидая ответа из-за стены.

Глава 8. Последнее «Прощай»

Прошла неделя. Две синие галочки в WhatsApp появились только через два дня. Еще через день пришел короткий ответ: «Сделала». Сердце Алексея забилося чаще. Сработало.

Он выждал до вечера. Сегодня был особенный день. День рождения Елены. Семьдесят. Первый ее день рождения, на котором он не присутствовал лично за последние десять лет, с тех пор как переехал.

Он открыл новый мессенджер. Нашел в контактах единственный номер — «Мама». Нажал на значок видеозвонка. Последовал долгий, тягучий гудок, а затем — щелчок.

«Алеша?»

На экране появилось ее лицо. Чистое, без пикселей и замираний. Каждая морщинка у глаз была видна так отчетливо, словно она сидела напротив. Впервые за много месяцев связь была идеальной.

«Мамочка, с днем рождения!» — выпалил он, и улыбка, которую он сдерживал весь день, наконец-то прорвалась наружу.

Он увидел, как ее глаза наполнились слезами. Она не пыталась их скрыть. «Сыночек... я уж и не думала, что услышу тебя сегодня... Что увижу...» — она всхлипнула. — «Спасибо, родной».

Это был их самый долгий и самый настоящий разговор за последний год. Они не говорили о политике, о войне, о тех, кого «уже нет». Они говорили о простых вещах. О том, что у нее на подоконнике снова зацвела герань. О том, что Алексей наконец-то разобрал балкон. О соседской кошке, которая принесла котят. Она смеялась, рассказывая, как один из них, самый наглый, пытается стащить у нее сосиску со стола.

И в этом простом, бытовом разговоре Алексей чувствовал всю глубину ее одиночества. А она — всю его любовь и беспокойство.

Под конец разговора она снова стала серьезной. «Алеша, мне страшно», — тихо призналась она. — «Все меняется. Люди злые стали. Смотрят друг на друга косо. Молчат. Эта тишина... она хуже крика. Связь с тобой — это единственное, что меня держит. Будто форточка в другой мир».

«Я обещаю, ма. Мы всегда будем на связи», — твердо сказал он. — «Я найду способ. Всегда. Слышишь?»

«Слышу, сынок», — она вытерла слезы и улыбнулась. — «Ты только себя береги там».

Они прощались еще минут десять. Алексей не мог заставить себя нажать на красную кнопку. Когда звонок все же завершился, он еще долго сидел, глядя на свое отражение в темном экране. На душе было одновременно тепло и невыносимо горько.

На следующий день он проснулся с хорошим настроением. Утром он открыл мессенджер, чтобы написать матери «Доброе утро». Набрал сообщение, нажал «отправить». Рядом с текстом появился значок часов. Сообщение не уходило.

Он попробовал позвонить. Гудков не было. Через несколько секунд на экране появилось системное уведомление на английском. Четкое, безжалостное, как приговор.

Connection to server failed.

Алексей похолодел. Он перезагрузил телефон. Проверил интернет-соединение. Все работало. Он снова попытался позвонить. Та же ошибка.

Он бросился к компьютеру, открыл технические форумы. Первая же тема в разделе, посвященном обходу блокировок, была закреплена сверху: «Блокировка по сигнатурам трафика на ТСПУ».

Десятки сообщений. «У меня тоже не работает». «Подтверждаю, Питер — глухо». «Новосибирск — нет соединения». «В Ростове умер час назад».

Система научилась. Стена стала выше.

Он начал лихорадочно перебирать другие варианты, те, что отбросил раньше. Telegram — звонок срывается после первого гудка. Signal — бесконечное «соединение...». Threema, Element... Он установил и попробовал еще семь приложений. Семь неудач. Семь ошибок подключения.

Тишина.

Информационный занавес, о котором он читал в новостях, перестал быть абстракцией. Он опустился. Железный. Цифровой. И его мама осталась там, за ним. Одна. В своей маленькой квартире, где на фоне говорит телевизор и цветет герань. А единственная форточка в другой мир захлопнулась.

Глава 9. Серый кардинал

Отчаяние длилось недолго. К вечеру оно выгорело дотла, оставив после себя лишь холодную, кристаллическую решительность. Алексей был аналитиком. Эмоции мешали анализу. Нужно было отбросить их и начать работать.

Его цель изменилась. Теперь он хотел не просто пробить дыру в стене. Он хотел понять, кто ее построил. Кто был ее архитектором. Зачем она была нужна на самом деле — не для «борьбы с мошенниками», а по-настоящему. И найти выход не только для себя, а для всех людей на планете, так как абсурд происходящего исчерпывал себя до дна.

Он начал свое цифровое расследование. Это была его стихия. Архивные сайты, кэши поисковых систем, утечки данных, научные базы, оцифрованные газетные статьи. Он начал собирать информацию, строить графы связей, искать центр.

И очень скоро в центре его разрастающейся схемы появилось одно имя: Сергей Кириенко.

Алексей смутно помнил его по девяностым. Молодой премьер-министр с прозвищем «Киндер-сюрприз». Дефолт 1998 года. Крах. Политический труп. Так ему казалось тогда.

Но архивы говорили о другом. Это было не падение, а уход в тень.

Он нашел старую, зернистую видеозапись 1998 года. Молодой Кириенко, представляющий коллегам новоназначенного директора ФСБ — будущего президента страны. Рукопожатие. Судьбоносный момент, который тогда никто не заметил.

Дальше карьера разворачивалась методично, как по нотам. 2000-2005 года: Полпред в Приволжском федеральном округе. «Гармонизация» региональных законов, «встраивание» в вертикаль власти. Алексей читал аналитику тех лет: Кириенко не ломал элиты через колено, он их приручал, создавал систему зависимости, опутывал сетью обязательств.

2005-2016 года: Глава «Росатома». Из разрозненных остатков советского атомного проекта он выстроил глобальную корпорацию. Снова системная работа. Внедрение производственных систем, оптимизация, создание кадрового резерва. Он строил не просто реакторы, он строил структуру.

2016 год - настоящее время: Первый заместитель Руководителя Администрации Президента. Куратор всего внутривластического блока. И — самое главное, что подчеркивалось во всех утечках и аналитических записках — куратор интернета. Социальных сетей, мессенджеров, интернет-изданий.

Алексей смотрел на экран, где были открыты десятки вкладок, и видел контуры гигантского, растянувшегося на десятилетия плана. Это не была грубая работа диктатора, размахивающего дубиной. Это была тонкая, кропотливая работа системного технократа, архитектора, который методично, кирпичик за кирпичиком, возводил здание новой реальности. Управляемой. Контролируемой. Изолированной.

Закон о «суверенном интернете». Создание ТСПУ. Давление на иностранные ИТ-гигантов. Все это не было спонтанной реакцией на внешние угрозы. Это были плановые этапы строительства. Стена не появилась внезапно — ее проектировали годами.

Имя Кириенко всплывало везде. Он курировал выборы. Он взаимодействовал с партиями. Он отвечал за молодежную политику. Последний пункт зацепил Алексея. Он почувствовал, что здесь кроется что-то важное. Это был не просто еще один пункт в списке обязанностей. Это был ключ.

Он открыл поисковик и вбил: «Сергей Кириенко молодежные организации». Результаты поиска хлынули на него мутным потоком. И Алексей понял, что только что заглянул в машинное отделение системы.

Глава 10. Фабрика лидеров

Машинное отделение гудело. На экране Алексея сменяли друг друга глянцевые, вылизанные промо-ролики. Молодые, энергичные, улыбающиеся лица. Форумы, саммиты, конкурсы. Музыка — бодрая, оптимистичная, зовущая к свершениям. Названия мелькали, как бренды в дорогой рекламе: «Россия — страна возможностей», «Лидеры России», «Большая перемена», «Движение Первых».

Это была целая индустрия. Гигантская фабрика по производству будущего. Под патронажем одного человека — Сергея Кириенко.

Алексей, как аналитик, видел за яркой картинкой структуру, данные, сеть. Он начал копать глубже, сопоставляя списки победителей этих конкурсов с назначениями в госаппарате за последние годы. Он скачивал данные, писал скрипты, которые просеивали тысячи новостных заметок и официальных указов. На втором мониторе начала вырисовываться схема. Граф связей.

Вот молодой человек, победитель конкурса «Лидеры России» 2018 года. Его лицо светится энтузиазмом на групповой фотографии с «наставником» — Кириенко. А вот новость от 2021 года: он назначен заместителем губернатора одной из сибирских областей.

Вот девушка, финалистка проекта «Большая перемена». Через три года она возглавляет департамент в одном из федеральных министерств.

Вот еще один. И еще. И еще.

Узлы графа — люди. Ребра — их связи, назначения, карьерные взлеты. Из хаотичного, на первый взгляд, набора лиц и должностей проступала жесткая, невидимая глазу структура. Это была не просто социальная мобильность. Это был конвейер. Инкубатор.

На входе — амбициозный молодой человек из любого уголка страны. Он проходит через серию тестов, тренингов, форумов. Его учат «проектному мышлению», «эффективному управлению», «командной работе». Его накачивают правильными идеями о служении государству. А главное — он знакомится с «наставником». С тем, кто дал ему этот шанс. Он чувствует себя избранным, частью элитного клуба. Он становится абсолютно лояльным.

На выходе — готовый управленец. Губернатор. Министр. Руководитель госкорпорации. Молодой, энергичный, современно мыслящий технократ. И абсолютно преданный своему «воспитателю».

Алексей откинулся на спинку кресла и посмотрел на схему. Она покрывала весь экран, мерцая сотнями узлов и связей. Это было похоже на нейронную сеть, опутавшую всю страну. Это была власть. Не та, что в телевизоре, с суровыми лицами и громкими заявлениями. А тихая, системная, распределенная власть. Сеть молодых, обязанных своим взлетом одному человеку, менеджеров, которые теперь сидели на всех ключевых постах и управляли страной.

Масштаб замысла поражал. Это не просто цензура, не просто закручивание гаек. Это была десятилетняя программа по полной замене управленческой элиты. Формирование нового класса «опричников» — технократичных, эффективных и безгранично преданных не идее, не стране, а лично своему патрону. Тому, кто сидел в центре этой паутины. Серому кардиналу.

И информационная стена, отрезавшая его от матери, была лишь одним из инструментов этого замысла. Не самым главным. Она была нужна, чтобы эта новая, выращенная в пробирке элита могла управлять страной в стерильных условиях, без помех извне. Без неудобных вопросов. В полной тишине.

Алексей, углубляясь в цифровое расследование, обнаружил невидимую, но стальную вертикаль власти, в центре которой стоял Сергей Кириенко. Бывший премьер-министр 1998 года, затем полпред президента в Приволжском ФО, глава «Росатома» — его карьерный путь был путём методичного восхождения. С 2016 года, заняв пост Первого заместителя руководителя Администрации Президента, Кириенко стал теневым кардиналом, курирующим всю внутреннюю политику, включая интернет-издания и социальные сети.

Он был не просто чиновником, а архитектором новой реальности. Кириенко стоял у истоков «Института развития интернета» (ИРИ), платформы «Россия — страна возможностей», руководил фестивалями молодёжи, активно развивал «Движение Первых» и «Мастерскую новых медиа». Эти проекты были тщательно разработанной системой по возвращению и продвижению лояльных кадров, формируя новую элиту, абсолютно преданную своему «воспитателю». Выпускники этих программ занимали ключевые управленческие посты по всей стране, создавая управляемую вертикаль, где каждая ниточка вела к одному центру. В заявлениях Кириенко о «цифровом суверенитете» и защите «национальных платформ» Алексей видел не защиту интересов страны, а построение непроницаемого информационного занавеса, необходимого для укрепления этой новой, жесткой системы.

Глава 11. Молчание Ученых

В поисках ответов Алексей столкнулся с шокирующей правдой: под Сибирью активизировался гигантский магматический плюм. Информация указывала на

ускоренный нагрев региона, аномальное таяние вечной мерзлоты снизу вверх, появление кратеров газовых выбросов и усиление сейсмической активности. Угроза была планетарного масштаба.

Однако официальный голос науки звучал иначе. Юрий Виноградов, директор Единой геофизической службы РАН, с экранов федеральных каналов успокаивал граждан. С невозмутимым видом он говорил о «циклической сейсмической активности» и отсутствии «серьезной угрозы землетрясений», подчеркивая невозможность краткосрочных прогнозов и сетуя на недофинансирование. Его слова, транслируемые повсеместно, были официальным ответом на любую тревогу.

Но Алексей знал, что это ложь. Он видел, как истинные научные данные замалчивались, а независимые голоса, пытавшиеся предупредить об опасности Сибирского плюма, объявлялись «фейками» и «русофобскими провокациями». Атмосфера страха пронизывала научное сообщество, вынуждая ученых соревноваться в «грантоедстве» и бояться говорить правду, зная, что за это последуют последствия. Молчание ученых, будь оно продиктовано страхом или конформизмом, становилось частью общего обмана.

Пока официальные лица заверяли о стабильности и призывали к «освоению» Сибири, обещая новые города и процветание, действия элит говорили об обратном. Сергей Шойгу мог анонсировать строительство новых миллионников, пропаганда — призывать «недовольных» отправляться в Сибирь для «развития региона», но Алексей обнаружил, что реальность была совершенно иной.

Начиная с 2023-2024 годов, наблюдался массовый и скрытый исход бизнеса и капитала из стратегически важного региона. «Норникель» переносил медный завод из Норильска, расположенного вблизи эпицентра плюма, в Китай. Основатель РУСАЛа искал возможности для своих проектов в Средней Азии, сворачивая инвестиции в Сибири. Восемь угледобывающих предприятий в Кузбассе были закрыты. Даже амбициозные планы по постройке новых городов тихо сошли на нет.

Элиты, прекрасно осведомленные об истинной угрозе Сибирского плюма, тайно выводили свои активы и капиталы. В то же время государство перенаправляло значительные инвестиции в Арктику и на Дальний Восток, подальше от зоны надвигающейся катастрофы. Это был безмолвный приговор, вынесенный

миллионам людей, которых продолжали заманивать в обреченный регион, пока власть имущие готовились к бегству.

Отчаяние стало для Алексея топливом. Последний разговор с матерью, оборванный безжизненным молчанием сервера, был последней каплей. Система, которую он изучал, отняла у него самое дорогое. Теперь он использует свое знание, чтобы нанести ответный удар.

ЧАСТЬ IV: ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Записи Артона, сделанные на борту «Странника» в цикле 7.4.2, во время наблюдения за третьей планетой системы Сол. Были дополнены после прибытия на планету и изучения местного устройства.

Меня попросили описать наш мир для того, чтобы представить его братьям и сестрам по космосу. Задача, которая кажется одновременно и простой, и невыполнимой. Как описать дыхание тому, кто никогда не дышал? Как объяснить цвет слепому от рождения? Мы не «строили» свою цивилизацию. Мы позволили ей проявиться, подобно тому, как музыкант не строит мелодию, а лишь позволяет ей зазвучать, следуя законам гармонии. Наш мир — это попытка настроить бытие в унисон с великой музыкой, которую мы зовем Симфонией Мироздания.

Социально-экономическая модель

Общество Эридана функционирует на принципах, которые для земной экономики, основанной на дефиците и конкуренции, кажутся парадоксальными. Однако их модель является логическим следствием технологического и духовного развития.

Ключевые принципы

- Отсутствие денег и частной собственности на средства производства: Эти концепции атрофировались за ненужностью. Деньги как универсальный эквивалент ценности потеряли смысл, когда базовая ценность — ресурсы и энергия — стала практически бесконечной. Средства производства (ассемблеры, энергетические узлы) являются общественным достоянием, доступным каждому, как воздух.
- Экономика доступа, а не владения: Ценность заключается не во владении вещью, а в праве и возможности ею пользоваться. Никто не «владеет» жильем или транспортом — каждый имеет к ним доступ по мере необходимости. Это полностью исключает накопление, имущественное расслоение и конфликты на его почве.

- Централизованное планирование ресурсов, децентрализованное распределение: Единая планетарная нейросеть, «Инфосфера», в реальном времени отслеживает запасы энергии и базовых элементов, прогнозируя потребности. Любой житель через личный интерфейс может сделать запрос на создание необходимого предмета, будь то еда, одежда или сложный исследовательский инструмент.

Мотивация к труду и творчеству

В мире, где выживание гарантировано, мотивация смещается с материальной на духовную и социальную.

1. Внутренняя потребность в самореализации: Основной движущей силой является врожденное стремление к творчеству, познанию и созиданию. Работа — это не обязанность, а форма самовыражения, подобная искусству на Земле. Отсутствие необходимости трудиться ради выживания высвобождает колоссальную творческую энергию.
2. Социальный резонанс: Вместо денег валютой служит признание и уважение общества. Успех измеряется не богатством, а *вкладом* — тем, насколько твои идеи, открытия или произведения искусства обогатили жизнь других и продвинули цивилизацию.
3. Жажда познания: Вселенная бесконечна, и любопытство является одним из главных двигателей общества. Исследование космоса, законов физики, глубин познания — это самые престижные и увлекательные занятия.

Мы тратим жизнь не на то, чтобы *обеспечить* себя, а на то, чтобы *реализовать* себя. В этом вся разница.

Первый вопрос, который возник бы у земного наблюдателя: как мы живем без власти и денег? Ответ прост: они нам не нужны, поскольку являются инструментами управления дефицитом и недоверием, а мы устранили их причины, а не следствия.

Отсутствие Экономики Владения

У нас нет понятия «собственности» в земном смысле. Есть понятие *ответственности* и *доступа*. Дом, в котором ты живешь, инструмент, которым пользуешься, — они не твои. Ты — их временный хранитель. Ресурсы не

«распределяются» кем-то сверху; они запрашиваются и направляются туда, где в них есть необходимость, и где их использование принесет наибольшую пользу для коллективной гармонии.

Этот процесс управляется не рынком или плановым комитетом, а саморегулирующейся информационной системой.

Запрос: Индивид или группа, приступая к проекту, формулирует запрос на ресурсы — будь то энергия, материалы или участие других специалистов.

Логическая верификация: Система мгновенно анализирует запрос на предмет эффективности, целесообразности и последствий. Не тратит ли проект больше энергии, чем создает ценности? Не нарушает ли он экологический баланс?

Эмпатическая оценка: Система оценивает «резонансный след» проекта. Принесет ли он радость познания, красоту, решение проблемы? Или же он породит скрытый диссонанс, неудобство или боль для других существ? Проект, логичный, но «фальшиво звучащий», будет отвергнут или отправлен на доработку.

Одобрение и исполнение: Если запрос гармоничен, ресурсы направляются автоматически.

Движущей силой нашего общества является не жажда наживы, а стремление к *самореализации* и *вкладу* — желание стать чище звучащей нотой в общей Симфонии. Высшая награда — это не богатство, а признание твоего вклада в общую гармонию.

Структура Общества

Власть подразумевает принуждение. Но зачем принуждать кого-то, если любое решение принимается на основе консенсуса, рожденного из логики и эмпатии? Наш процесс принятия решений похож на настройку оркестра перед концертом.

Собираются все, кого касается проблема. Звучат разные мнения — не как попытка победить в споре, а как разные инструменты, играющие свою партию. Аналитики (подобные Сириусу) представляют факты. Эмпаты (подобные Дее) передают ощущения и потенциальные чувства всех, кого затронет решение. Философы (подобные мне) помогают синтезировать все это в единое целое, сверяя с нашими главными ценностями. Дискуссия длится до тех пор, пока не родится решение, которое вызывает у всех чувство резонанса — глубокое, спокойное ощущение «Да,

это правильно». Победа в споре для нас — нонсенс. Возможна лишь общая победа — найденная истина.

Технологический уклад

Технологический скачок цивилизации Эридана был обусловлен двумя революционными открытиями, которые полностью изменили парадигму взаимодействия с материей и энергией.

- Энергия Эфира (Свободная энергия)

Это неисчерпаемый источник энергии, получаемый напрямую из физического вакуума (нулевого поля). Ученые Эридана научились создавать локальные резонансы в структуре пространства-времени, высвобождая практически неограниченное количество чистой энергии.

Последствия:

- Общедоступная энергетика: Энергия стала бесплатной и общедоступной. Это уничтожило геополитику, основанную на борьбе за энергоносители.
- Экология: Полностью исчезла необходимость в сжигании ископаемого топлива. Планета была очищена от промышленных отходов.
- Транспорт: Стала возможна нуль-транспортировка (мгновенное перемещение) и создание гравитационных двигателей для межзвездных полетов, не требующих топлива в земном понимании.
- Ассемблеры Материи

Это устройства, способные манипулировать элементарными частицами, собирая из них любой предмет по заданной программе. Технология основана на глубоком понимании квантовых полей и способности управлять ими.

Как это работает:

- Пользователь загружает в ассемблер трехмерную схему объекта (от молекулярной структуры до внешнего вида).
- Ассемблер, используя энергию эфира, формирует силовое поле-матрицу.

- Внутри поля из базовых частиц (кварков, лептонов), получаемых из преобразованной энергии, «собираются» атомы, молекулы и, наконец, сам объект.

Последствия:

- Ликвидация промышленности: Заводы, фабрики, сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых стали не нужны. Исчезли понятия голода и товарного дефицита.
- Быт: Еда, одежда, мебель, гаджеты создаются по запросу в домашних ассемблерах. Еда всегда свежая, идеально сбалансированная и создается за секунды.
- Архитектура: Города Эридана — это произведения искусства. Здания «выращиваются» крупными ассемблерами, они могут менять форму, самовосстанавливаться и представляют собой живые, адаптивные экосистемы.

«Земляне веками боролись за то, чтобы *распределить* материю. Мы же научились ее *создавать*. В этой разнице — пропасть между двумя мирами», — из размышлений Сириуса.

Земные технологии кричат о себе. Они шумят, дымят, требуют постоянного внимания, отравляют планету и сознание. Наши технологии шепчут. Они — продолжение природы, а не ее покоритель. Их цель — не подчинять реальность, а гармонизировать ее.

Наша Резонансная Сеть — это не просто хранилище данных. Это коллективный разум, где ложь и манипуляция невозможны. Система автоматически подсвечивает логические противоречия и эмоциональные искажения как *диссонанс*. Попытка солгать в Сети подобна попытке сыграть фальшивую ноту в идеально настроенном оркестре — это сразу слышно всем. Технологии служат нам, а не наоборот. Понятие «цифровой зависимости» для нас так же абсурдно, как зависимость от молотка. Ты берешь инструмент, когда он нужен, и откладываешь, когда работа сделана.

Глава 12. Философия и ценности: Слышать Вселенную

Гармоничное общество Эридана — не дар свыше, а результат осознанного выбора, сделанного на краю пропасти. Артон, как *Историк Космической Этики*, называет этот период «Эпохой Преображения», последовавшей за их собственной «Эпохой Вызовов».

Эпоха Вызовов и Великий Выбор

В далеком прошлом цивилизация Эридана стояла на грани самоуничтожения. Технологии (тогда еще ядерные и ранние биотехнологии) значительно опережали духовно-нравственное развитие. Общество раздирали войны, социальная несправедливость и экологические катастрофы — картина, до боли напоминающая Землю XXI века. Кризис достиг точки, когда дальнейшее существование вида стало вопросом нескольких поколений.

Именно тогда произошло то, что они называют Великим Выбором. Группа философов, ученых и деятелей искусства сумела донести до критической массы населения простую идею: корень всех проблем не в технологиях или нехватке ресурсов, а в ложной системе ценностей, основанной на эгоизме, страхе и разделении.

Они предложили новую парадигму, основанную на следующих принципах:

- Принцип единства: Осознание того, что вся цивилизация — единый организм. Вред, причиненный одному, наносится всему обществу.
- Принцип со-творчества: Конкуренция заменяется сотрудничеством. Наибольший прогресс достигается не в борьбе, а в объединении усилий.
- Принцип приоритета духовного: Развитие личности, эмпатии и разума объявляется высшей целью существования. Материальные блага — лишь инструмент для этого, но не самоцель.

Этот выбор не был мгновенным, он занял несколько поколений, но полностью изменил вектор развития цивилизации и подготовил почву для принятия технологий пост-дефицита.

"Жить по-человечески"

Для жителей Эридана эта фраза означает:

- Быть творцом, а не потребителем. Постоянно создавать что-то новое: знание, искусство, гармонию в отношениях.
- Развивать эмпатию. Учиться чувствовать и понимать других, ставить себя на их место. Дея с её даром — ярчайший продукт этой философии.
- Служить общему благу. Альтруизм для них — не жертва, а высшая форма разумного эгоизма. Помогая развиваться другим, ты развиваешь и мир, в котором живешь, а значит, и самого себя.
- Сохранять позитивный настрой. Они воспринимают Вселенную как дружественную среду, полную чудес и возможностей для познания. Пессимизм и цинизм считаются признаками инфантильного, неразвитого сознания.

В основе всего, что мы есть, лежит одно простое, но всеобъемлющее ощущение: Вселенная жива, разумна и является единой, бесконечно сложной Симфонией. Мы — ее часть. Каждая мысль, каждый поступок, каждая жизнь — это нота в ее партитуре. Цель нашего существования — не выжить, не доминировать и не потреблять. Цель — найти свое уникальное звучание и гармонично влиться в общую мелодию.

Система образования и самосовершенствования Эридана кардинально отличается от земной, поскольку её цель — не подготовить специалиста для рынка труда, а раскрыть уникальный потенциал каждой личности.

Система Наставничества

Формальных школ и университетов в земном понимании не существует. Образование построено на принципе Наставничества.

- Ранние годы: Дети растут в среде, наполненной знаниями и творчеством. «Инфосфера» предоставляет им доступ к любым данным в адаптированной, игровой форме. Они свободно исследуют мир, а искусственный интеллект и взрослые мягко направляют их интересы.
- Выбор пути: К юношескому возрасту индивид определяет свои главные увлечения. Это может быть что угодно: астрофизика, музыка сфер, биоинженерия, философия этики.

- Наставник: Юноша или девушка выбирает себе Наставника — признанного мастера в выбранной области. Наставник не читает лекций, а вовлекает ученика в реальные проекты, делится опытом и помогает сформировать собственный уникальный взгляд. Отношения Наставника и ученика — глубоко личные, основанные на взаимном уважении.

Сферы Совершенствования

Это неформальные сообщества (похожие на творческие гильдии или научные школы), объединяющие людей со схожими интересами. Внутри этих «сфер» происходит обмен идеями, совместные проекты, творческие споры. Я принадлежу к Сфере Истории Космической Этики, Сириус принадлежит к Сфере Ксено-семиотики и анализа цивилизационных патологий, Дея — к Сфере Эмпатической Гармонизации.

Бесконечное развитие

Понятия «окончить обучение» или «уйти на пенсию» отсутствуют. Жизнь воспринимается как непрерывный процесс обучения, творчества и передачи знаний. Достигнув мастерства в одной области, многие начинают изучать новую или становятся Наставниками для следующего поколения. Это обеспечивает постоянную динамику и предотвращает интеллектуальный застой в обществе.

Отношения как Резонанс

Эмпатия для нас — такое же базовое чувство, как зрение или слух. Мы ощущаем эмоциональное состояние друг друга как фон, как «музыку» человека. Поэтому ложь, лицемерие, скрытая ненависть невозможны в нашем обществе. Они ощущаются как физический дискомфорт, как неприятный запах или режущий ухо скрип.

Конфликт — это сбой резонанса. Мы не ищем виноватого. Мы вместе ищем причину диссонанса, чтобы устранить ее и восстановить гармонию.

Семья — это не кровное родство, а «резонансный кластер»: группа душ, чьи мелодии звучат в унисон, создавая прекрасную и сложную гармонию.

Любовь — это высшая форма резонанса, когда две мелодии сливаются в одну, не теряя своей уникальности, но обогащая и усиливая друг друга до бесконечности.

Мы смотрим на звездное небо и не чувствуем себя одинокими. Мы слышим его. Мы слышим рокот рождающихся звезд, тихий шелест гравитационных волн, эхо Великого Взрыва. Мы — часть этой музыки. И когда я смотрю на Землю, на весь этот хаос, страх и разобщенность, я чувствую не высокомерие, а глубокую, пронзительную печаль. Они оглохли. Они живут в самом сердце величайшей Симфонии, но не слышат ничего, кроме крика собственного страха. Они забыли, что можно жить иначе.

ЧАСТЬ V: РЕАЛЬНОСТЬ АНТИКУЛЬТА

Глава 13. Поход в «Центр религиоведческих исследований»

На следующий день, вооруженные знанием, почерпнутым из сероватых страниц «Ириней», интернета, бесед с людьми и сарказмом, почерпнутым из самой атмосферы этого мира, герои отправились на штурм цитадели «Центра защиты личности от деструктивных культов». Легенда была простой и элегантной, как все творения Сириуса: трое иностранных журналистов из малоизвестного, но очень прогрессивного европейского издания «Die Humanistische Perspektive», приехали писать репортаж о передовом российском опыте в сфере духовной безопасности.

Над массивной дверью висела огромная, вызывающе новая вывеска и: «Центр религиоведческих исследований и защиты личности имени святого Ириней Лионского». Ниже, буквами поменьше, но не менее грозно, было добавлено: «(РАЦИРС)».

— Ириней Лионский был одним из первых Отцов Церкви, который боролся с гностицизмом, — задумчиво произнес Артон. — Они видят себя его прямыми наследниками. Историческая преемственность — мощный инструмент легитимации.

— Особенно когда её прикручивают к пластиковой вывеске, — закончил Сириус.

Внутри их встретил запах, который мог родиться только в подобном учреждении. Это была сложная симфония из ароматов церковного ладана, дешевого хлорсодержащего моющего средства «Белизна» и кисловатого духа старых бумаг.

За конторкой, напоминавшей церковный аналой, сидела дева неопикуемой строгости. Её волосы были стянуты в такой тугий пучок, что, казалось, он оттягивал кожу со лба, придавая лицу выражение вечного неодобрения.

— Вы к кому? — спросила она, не отрывая взгляда от монитора, на котором был открыт пасьянс «Паук».

— Мы журналисты из Германии, — с легким, хорошо отрепетированным акцентом начал Сириус. — Хотели бы встретиться с профессором Дворкиным и узнать о его неоценимой работе.

Дева оторвалась от пасьянса. Слово «Германия» произвело на нее магический эффект. Взгляд потеплел на полградуса.

— Профессор сейчас на важном совещании, — сообщила она тоном, каким говорят о небожителях. — Но вас примет его заместитель, руководитель отдела региональной работы, товарищ Путник. Я доложу.

Она скрылась за массивной дверью, и через минуту оттуда вышел человек, который, казалось, соткался из самой сущности этого места. Это был мужчина лет шестидесяти, невысокий, но коренастый, в плохо сидящем костюме. Его глаза горели лихорадочным, почти безумным огнем идеолога. Он был похож на неудавшегося поэта, нашедшего свое истинное призвание в должности младшего демона.

— Константин Владимирович Путник, — представился он, энергично пожимая их руки. Его ладонь была влажной и горячей. — Очень приятно! Иностранная пресса! Наконец-то! Правда о нашей борьбе дойдет и до просвещенной Европы! Пойдемте, я покажу вам нашу святая святых.

«Святая святых» оказалась большим залом, переоборудованным под нечто среднее между музеем криминалистики и складом конфиската. Вдоль стен стояли стеклянные витрины, на бархатных подложках которых были разложены... самые обыденные предметы.

— Вот, — с гордостью провозгласил Путник, указывая на стопку книг в ярких обложках. — Опаснейшая сектантская литература. Обратите внимание на нейролингвистическое программирование в заголовках: «Путь к успеху», «Исцели себя сам», «Духовное пробуждение». Все это крючки для ловли неокрепших душ!

Сириус наклонился к витрине.

— Простите, а вот эта книга... «Йога для начинающих»... она тоже?

— Еще как! — с жаром воскликнул Путник. — Это одна из самых коварных ловушек! Человек думает, что делает зарядку, а на самом деле поклоняется

демоническим сущностям индуистского пантеона! Мы изъяли эту книгу у одной пенсионерки. Она уже почти переписала квартиру на своего гуру-инструктора по аштанга-виньясе! Еле успели спасти.

Дея прикоснулась к стеклу.

— Я чувствую её отчаяние... У нее болела спина, она просто хотела облегчить боль...

Путник посмотрел на нее свысока.

— Эмоциональная лабильность, вызванная сочувствием к адепту, — это типичный симптом вербовки, фройляйн. Будьте осторожны. Их главное оружие — манипуляция жалостью.

Они пошли дальше. В следующей витрине лежали музыкальные диски. Путник указал на альбом Pink Floyd «The Dark Side of the Moon».

— А это — акустический наркотик! — провозгласил он. — Скрытые звуковые частоты, которые разрушают альфа-ритмы мозга и вводят слушателя в транс. Человек становится полностью управляем. Мы зафиксировали случай, когда подросток после прослушивания этого альбома отказался идти в армию! Представляете, какой подрыв обороноспособности!

— Скажите, товарищ Путник, — вкрадчиво спросил Сириус. — А есть ли у вас утвержденный правительством ГОСТ на определение сектантской символики? Или, может быть, сертифицированный прибор, «сектомер», который показывает уровень духовной опасности в децибелах?

Путник на секунду запнулся, но тут же нашелся.

— Лучший прибор — это православная совесть и научные труды профессора Дворкина! — отрезал он. — Все четко классифицировано. Вот, например, — он подвел их к стенду с названием «Оккультные артефакты», — смотрите!

Под стеклом лежали ароматические палочки, фигурка Будды, колода карт Таро и... ловец снов.

— Ловец снов? — удивился Артон. — Это же просто элемент декора из индейской культуры.

— Так они и говорят! — торжествующе воскликнул Путник. — «Просто декор»! А на самом деле это антенна для связи с астральными паразитами! Мы спасли целую семью, у них ребенок перестал спать по ночам. Они повесили эту дрянь над его кроватью. Убрали — и сон нормализовался! Ребёнок теперь в безопасности — оформили его в детский дом. На неблагонадёжных родителей завели дело. Теперь им надо приходить отмечаться в участок каждый месяц.

— Возможно, у него просто резались зубы? — предположил Сириус.

— Не усложняйте! — отмахнулся Путник. — Враг коварен, но его методы примитивны. Всегда ищите духовную причину!

Он явно упивался своей ролью гида по преисподней. Он говорил без умолку, перескакивая с темы на тему, и в его речи мешались наукообразные термины, церковнославянские обороты и откровенный канцелярский жаргон.

— Мы работаем на опережение, — вещал он, размахивая руками. — Проводим лекции в школах, в воинских частях, в подразделениях ФСБ. Объясняем, так сказать, патогенез духовной инфекции. Народ должен знать врага в лицо! Враг везде — в книгах, в музыке, в интернете, в группах по медитации...

— Похоже, проще составить список того, что не является сектой, — заметил Сириус. — Он будет короче.

Путник пропустил его слово мимо ушей. Его глаза загорелись новым огнем.

— И не только в этом! Враг проникает в политику! Пытается раскачать нашу государственную лодку! Некоторые, даже из патриотического лагеря, не понимают всей глубины угрозы. Они говорят: «нужно менять систему, нужны реформы». А я вам скажу так, — он понизил голос до заговорщицкого шепота и наклонился к ним, — вот даже нынешний наш президент... он, конечно, гарант стабильности. Но для спасения Родины от тотальной сектантской угрозы, которая идет с Запада, иногда может потребоваться и... замена нынешнего главы государства. Если он проявляет недостаточную решительность, конечно. Если это не произойдет, то не является ли вся наша борьба с Западом просто игрой, где и наш, и их лидеры — просто марионетки? Понимаете? Иногда для сохранения порядка нужна по-настоящему твердая, хирургическая рука!

Трио переглянулось. Это было прямое цитирование той самой статьи, которую они читали в интернете, готовясь к визиту. Автор, оставшийся безнаказанным,

сидел прямо перед ними и с горящими глазами излагал им свои призывы к государственному перевороту.

Артон смотрел на этого человека и видел не просто фанатика. Он видел продукт системы. Человека, которому дали власть судить и клеймить, и эта власть отравила его, раздула его это до вселенских масштабов. Он искренне верил, что спасает мир, и ради этого спасения был готов сжечь и мир, и президента, и самого себя.

— Очень... смелая точка зрения, — осторожно сказал Артон.

— Истинно православная! — гордо поправил Путник. — Мы не боимся говорить правду, какой бы она ни была! О! Вам повезло! Как раз сегодня будет возможность увидеть нашу работу в действии. В городском суде слушается дело одной... заблудшей души. По обвинению в вовлечении несовершеннолетнего, то есть собственного сына, в деструктивный культ. Профессор Дворкин будет выступать в качестве эксперта со стороны обвинения. Я могу устроить вам пропуск. Увидите торжество правосудия и науки!

Он сиял. Мысль о том, что иностранные журналисты станут свидетелями этого «торжества», приводила его в экстаз.

— Мы были бы безмерно благодарны, — с идеальной серьезностью произнес Сириус, пряча инфопланшет, на который только что записал последнюю тираду Путника с пометкой «Призыв к свержению власти. Статья 280 УК РФ. Примечание: для сотрудников РАЦИРС не применяется».

Выходя из этого вертепа абсурда, Дея тихо сказала: — Это не музей. Это мавзолей. Мавзолей здравого смысла. А все эти вещи... это не артефакты. Это надгробия на могилах человеческих судеб.

Сириус похлопал её по плечу. — Не переживай. Судя по нашему гиду, скоро они объявят сектой Уголовный кодекс. И вот тогда начнется настоящее веселье.

Глава 14. Судебный процесс как театр абсурда

Зал городского суда напоминал аквариум, из которого давно выкачали не только воду, но и воздух. Тяжелые портьеры цвета засохшей крови почти не пропускали

дневной свет, и под низким потолком плавал желтоватый полумрак, пахнувший пылью, страхом и государственной пошłości. На обшарпанных деревянных скамьях сидело несколько человек — пара сонных журналистов из местных газет и группа поддержки со стороны обвинения, состоявшая из женщин с такими же лицами, как у секретарши в РАЦИРС, будто их штамповали на одном станке по производству праведного гнева.

Артон, Сириус и Дея сели в последнем ряду. Путник, устроивший их сюда, сиял, как начищенный самовар, и подмигивал им, словно они были соучастниками некоего тайного триумфа.

— Сейчас начнется, — прошептал он. — Увидите, как работает наша юридическая машина. Точно, как швейцарские часы!

Сириус хмыкнул. Судя по обстановке, часы эти были солнечными, и солнце давно зашло.

Наконец, в зал вплыла судья — грузная дама в мантии, которая сидела на ней, как на корове седло. Её лицо выражало смертельную скуку, будто её оторвали от чего-то по-настоящему важного, например, от просмотра сериала про несчастную любовь. Она зевнула, прикрыв рот протоколом, и буркнула: «Продолжаем слушание по делу гражданки Романовой Юлии Викторовны».

На скамье подсудимых сидела женщина лет тридцати пяти. Несмотря на бледность и темные круги под глазами, она держалась с удивительным достоинством. Это была та самая Юлия, чью историю они уже знали в общих чертах. Рядом с ней сидел молодой, затравленного вида адвокат, который теребил в руках ручку, словно это был спасательный круг.

Со стороны обвинения выступал холеный, самоуверенный мужчина в дорогом костюме, адвокат Корелов. Он сидел, развалясь, и с легкой усмешкой поглядывал на Юлию. Артон сразу узнал его — председатель Юридического комитета при РАЦИРС. Тот самый, что писал официальный запрос своему же начальнику.

Прокурор, молодой парень с прыщами на лбу, встал и начал зачитывать обвинение монотонным, заунывным голосом, постоянно спотыкаясь и путая фамилии. Из его бубнежа следовало, что гражданка Романова, «подпав под пагубное влияние деструктивного псевдо-индуистского культа «Дыхание Лотоса»», нанесла непоправимый вред психике своего несовершеннолетнего

сына Тимофея, а именно: заставляла его заниматься «антинаучной практикой йоги», лишала «традиционной белковой пищи, заменяя её вегетарианскими суррогатами», и «вовлекала в ритуальное пение мантр, подрывающих культурный код нации».

— Он произносит «мантры», как будто это название тяжелого наркотика, — прошептал Сириус, делая пометки в планшете. — «Зависимость от мантр, третья стадия. Передозировка ом-мани-падме-хумом».

— Прошу вызвать для дачи экспертных показаний свидетеля обвинения, профессора Дворкина, — объявил адвокат Корелов.

Дверь отворилась, и в зал вошел сам маэстро. Александр Леонидович Дворкин был величествен. Он двигался плавно, как линкор, входящий в гавань. Его тяжелый подбородок был поднят, взгляд был холоден. Он был облачен в ауру собственной значимости, столь плотную, что, казалось, её можно потрогать руками.

Секретарь поднесла ему Библию.

— Клянетесь ли вы говорить правду, только правду и ничего, кроме правды?

— Ээ-э-клянусь, — произнес Дворкин, положив руку на священную книгу с видом человека, который сам мог бы её написать.

— Профессор, — начал Корелов, вставая. Их дуэт напоминал хорошо отрепетированный спектакль. — Вы знакомы с материалами дела. Можете ли вы, как ведущий специалист в стране, дать заключение о степени опасности так называемого учения «Дыхание Лотоса»?

— Могу и должен, — рокотал Дворкин. — Это не просто учение. Это классический пример коммерческого психокульта синкретического типа с элементами нео-ориентализма. Его структура и методы воздействия на адептов полностью соответствуют критериям деструктивности, изложенным в итоговой декларации международной научно-практической конференции «Тоталитарные секты — угроза XXI века», проходившей в Нижнем Новгороде в далеком 2001 году.

Судья, до этого клевавшая носом, подняла голову. — Простите, в каком году? — В две тысячи первом, ваша честь, — с нажимом повторил Дворкин. — Основополагающий документ, не потерявший своей актуальности.

— Но прошло почти четверть века, — подал слабый голос адвокат Юлии. — Научные взгляды могли измениться...

— Истина не меняется! — отрезал Дворкин, испепелив адвоката взглядом. — Кроме того, мои выводы подкреплены моими же монографиями «Сектоведение. Тоталитарные секты» и «10 вопросов навязчивому незнакомцу», а также многочисленными публикациями в журнале «Иринея».

Сириус тихо прыснул. — Он ссылается на конференцию двадцатичетырехлетней давности и на свои собственные книги. Это не юриспруденция, это аутофелляция.

Дея смотрела на Юлию. Та сидела неподвижно, сжав губы. На её лице не было страха, только бесконечная, выжигающая все эмоции усталость. Она уже проходила через это. Снова и снова. «Война на истощение», как называли это земные юристы.

— Профессор, — продолжал Корелов. — Обвиняемая утверждает, что просто занималась с сыном гимнастикой и придерживалась здорового питания. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Классическая уловка! — Дворкин воздел палец к потолку. — Они всегда маскируются под что-то безобидное. Гимнастика, оздоровление, личностный рост! Но что скрывается за этим? Так называемые «асаны» — это не физические упражнения, а ритуальные позы для призывания языческих божеств! Вегетарианство — это способ ослабить организм, сделать его более восприимчивым к психологическому внушению! А мантры — это кодовые фразы, которые перепрограммируют сознание, стирая личность и заменяя её волей гуру!

Он сделал паузу, обводя зал своим пронзительным взглядом. — Я вам больше скажу. В деле есть показания отца ребенка, который утверждает, что после занятий йогой мальчик стал... слишком спокойным. Понимаете? Спокойным! Это верный признак подавления воли! Здоровый ребенок должен быть шумным, активным, непослушным! А здесь мы видим апатичность, безразличие... прямое следствие зомбирования!

В зале повисла тишина. Даже сонные журналисты проснулись и что-то застрочили. Аргумент про «слишком спокойного» ребенка был настолько абсурден, что казался неотразимым.

Артон смотрел на этот фарс и чувствовал, как внутри него закипает холодная ярость. Это было не просто беззаконие. Это было нечто худшее. Это было методичное, деловитое, облеченное в наукообразную форму расчеловечивание. Они не судили Юлию. Они лишали её статуса человека. Они превращали её в «объект», в «носителя инфекции», в «сектантку». А с объектом можно делать все, что угодно. Можно отнять ребенка, имущество, свободу, жизнь. И все это будет не преступлением, а «санитарной мерой».

Он вдруг с ужасающей ясностью вспомнил строки, прочитанные им при изучении истории этой планеты. Строки, написанные женщиной, которая пережила похожий ужас, только в гораздо большем масштабе.

«Sogar die Nazis begannen ihre Ausrottung der Juden damit, dass sie ihnen jede rechtliche Stellung nahmen.»

«Даже нацисты начинали свое истребление евреев с лишения их всякого правового положения», — пронеслось в его голове.

Вот оно. Прямо здесь, в этом душном зале суда, на его глазах происходил тот самый первый, самый важный акт любой тирании. Человека лишали его правового статуса, превращали в абстракцию, в ярлык. И после этого приговор был уже не важен. Он был вынесен в тот момент, когда слово «сектантка» прозвучало громче, чем слово «мать».

— Ваша честь, у защиты больше нет вопросов, — пролепетал адвокат Юлии, окончательно сломленный.

Судья, вновь погрузившаяся в дремоту, встрепенулась. — Что? А, да. Суд удаляется на совещание.

Она встала и тяжело прошествовала к выходу. Было ясно, что «совещание» продлится ровно столько, сколько нужно, чтобы выпить чашку чая и подписать заранее напечатанный приговор.

Корелов и Дворкин обменялись довольными взглядами. Путник в заднем ряду светился от счастья. Торжество правосудия и науки состоялось. Швейцарские часы, пусть и немного ржавые, тикали исправно.

Приговор был ожидаем, как наступление зимы. Лишить родительских прав. Передать ребенка на попечение отца до «полного излечения матери от

сектантской зависимости». Юлия выслушала его стоя, прямая, как струна, и ни один мускул не дрогнул на её лице. Только в глазах плескалась такая бездна боли, что Дея, сидевшая в зале, физически ощутила её ледяное прикосновение.

Глава 15. Анатомия Тени

Корабль, замаскированный под метеорологический зонд забытой богом сельской обсерватории, висел в стратосфере, погруженный в безмолвную тишину космоса. Внутри, в аскетичной белизне центрального отсека, царила иная тишина — тишина концентрированного анализа, изредка нарушаемая сухим щелчком клавиш и приглушенным гудением систем жизнеобеспечения. Воздух был наэлектризован, как перед грозой. Три фигуры, склонившиеся над голографическим столом, напоминали хирургов, готовящихся к сложнейшей операции на мозге целой планеты.

— Ну что ж, господа присяжные заседатели, — первым нарушил молчание Сириус, откидываясь в кресле с видом человека, только что пересчитавшего все песчинки в Сахаре. Его пальцы пробежались по сенсорной панели, и на голограмме вспыхнула сложная, ветвящаяся схема, похожая на корневую систему гигантского больного дерева. — Картина маслом. Контора «Рога и копыта» по борьбе с инакомыслием. Филиалы в десятках стран, штатные «эксперты», отлаженный медиа-конвейер и единый центр управления, уютно расположившийся в России. Мило, не правда ли?

Артон, не отрывая взгляда от мерцающей структуры, медленно потер подбородок. Его глаза, обычно полные ироничных искр, сейчас были серьезны и сосредоточены. — Это не «Рога и копыта», Сириус. Это куда изощреннее. Бендер мечтал о миллионе и белом костюме. А создатели *этого*... — он обвел рукой голограмму, — мечтают о целом мире, закованном в серую униформу. Они не просто мошенники. Они — архитекторы новой реальности. Точнее, нереальности.

— Архитекторы? — фыркнул Сириус. — Скорее, ассенизаторы. Они ведь не создают ничего нового. Они лишь перерабатывают старые, самые дурно пахнущие идеологии — нацизм, средневековую инквизицию — и сливают эту гремучую смесь в информационное поле. А потом удивляются, почему общество начинает задыхаться от миазмов ненависти.

— Мне страшно, — тихо проговорила Дея. Она сидела, обхватив колени, и смотрела на схему так, словно видела не блоки и линии, а искаженные болью лица. — За каждой этой точкой, за каждой стрелочкой — сломанная жизнь. Семья, которую разрушили. Ребенок, которого затравили в школе. Человек, которого уволили с работы или бросили в тюрьму. И все это под видом... чего? Защиты общества? От кого? От самих себя?

— От свободы, Дея, — мягко ответил Артон. — Они защищают общество от свободы. Это их главный враг. Посмотри, как выстроена система. Это не хаотичное собрание фанатиков. Это безупречно работающий механизм, бизнес-модель, отточенная до совершенства за три десятилетия.

Он коснулся голограммы, и один из узлов схемы увеличился, распадаясь на подпункты.

1. Продукт:

- Страх. Главный товар. Они не продают безопасность, они торгуют страхом перед «другими». Перед «сектантами», «экстремистами», «агентами влияния».
- Уничтожение. Полный цикл услуг: от дискредитации в СМИ до фабрикаций уголовных дел. Развод с отъемом детей, рейдерский захват бизнеса, объявление «нежелательной организацией». Это конвейер по производству изгоев.

2. Маркетинг и Дистрибуция:

- Терминология как оружие. Дворкин не просто придумал ярлык «тоталитарная секта». Он создал семантическое оружие массового поражения. Этот термин, лишенный научного содержания, стал юридической и медийной дубиной. Назвал — и можешь бить. Доказывать ничего не нужно.
- Медиа-сеть. Подконтрольные журналисты и целые издания, которые по команде начинают кампанию по демонизации очередной цели. Они копируют статьи друг у друга, ссылаются друг на друга, создавая иллюзию «общественного мнения» и «экспертного консенсуса».

- Институциональное проникновение. Создание «экспертных советов» при министерствах, чтение лекций для силовиков, вербовка сторонников в судах и прокуратуре. Государственная машина становится их инструментом.

3. Целевая аудитория:

- Обыватель. Запуганный, дезориентированный, ищущий простых ответов и виноватых. Ему скармливают образ врага.
- Власть. Авторитарные режимы, нуждающиеся в «охоте на ведьм» для укрепления своей легитимности и отвлечения внимания от реальных проблем.
- Частные заказчики. Недовольные супруги, конкуренты по бизнесу. Сеть работает как частное детективное и карательное агентство.

— Посмотри, какой изящный парадокс, — продолжал Артон, его голос вибрировал от холодного восхищения. — Они обвиняют других в «контроле сознания», но сами используют самые грязные методы НЛП и психологического программирования. Они кричат о «финансовой эксплуатации», но сами построили бизнес на разрушении чужих жизней. Они клеймят «культы личности», но внутри их собственной структуры царит безоговорочное поклонение лидеру — Дворкину. Они — идеальное зеркало того, с чем якобы борются. Зеркало, которое кричит, что уродлив не смотрящийся в него, а весь остальной мир.

Сириус хмыкнул, пролистывая на своем планшете какие-то файлы. — О, а вот и прайс-лист подъехал. Неофициальный, конечно. Из анонимных утечек с их внутренних форумов. «Консультация по отъему ребенка у супруга-сектанта» — пять тысяч условных единиц. «Подготовка экспертного заключения для суда» — десять тысяч. «Организация медиа-кампании» — от пятидесяти. «Полный пакет "под ключ" с заведением уголовного дела» — цена договорная. Остап Бендер плачет в углу от зависти. Он знал четыреста сравнительно честных способов отъема денег. Эти ребята знают один, но абсолютно бесчестный.

Дея вздрогнула и отвернулась от голограммы. — Я не могу на это смотреть. Это... это какая-то фабрика по производству несчастья. Они берут нормальную, живую ткань общества и методично заражают ее гангреной. И люди, обычные люди,

начинают верить им. Сосед начинает ненавидеть соседа, потому что тот ходит в «неправильную» церковь. Коллеги пишут доносы. Целые страны погружаются в паранойю.

— Именно, — кивнул Артон. — И в этом их главная сила и главная слабость. Сила — в том, что они апеллируют к самым темным инстинктам толпы. К ксенофобии, зависти, жажде простой иерархии, где есть «мы» — хорошие, и «они» — плохие. А слабость... слабость в том, что вся эта колоссальная конструкция держится на личности своих создателей. На их психологии. На их патологиях.

Он задумчиво посмотрел на Сириуса. — Ты говоришь, ассенизаторы? Возможно. Но чтобы так увлеченно и десятилетиями копать в грязи, нужно самому быть... частью этой грязи. Нужно получать от этого удовольствие. Это не просто работа. Это призвание. Миссия.

— То есть, ты хочешь сказать... — начал Сириус, и его обычная саркастическая ухмылка сползла с лица.

— Я хочу сказать, что мы анализировали *систему*, — закончил Артон. — Но мы совершенно не понимаем *людей*, которые ее создали. Что движет человеком, который превращает ненависть в профессию? Что заставляет его просыпаться по утрам с одной мыслью: «Чью жизнь я разрушу сегодня?» Это не идеология. Идеология — лишь ширма. Это что-то другое. Что-то глубинное. Болезнь.

Он увеличил центральный узел схемы, на котором значилось: «Александр Дворкин. Основатель. Идеолог». Вокруг этого имени роились десятки других: Новопашин, Росс, Хассан, Кременовская, Яхл...

— Мы должны понять их, — твердо сказал Артон. — Не для того, чтобы простить. А для того, чтобы поставить диагноз. Мы должны составить их психологические портреты. Вскрыть их мотивацию, их страхи, их тайные желания. Мы должны заглянуть в эту бездну, чтобы понять ее природу. Потому что, как говорят на этой планете, чтобы победить дракона, нужно знать, где находится его сердце. А я почти уверен, что сердца у этого дракона нет. Вместо него — черная, гниющая дыра.

Сириус молча кивнул. Его взгляд был острым, как скальпель. Дея, услышав слова Артона, снова повернулась к голограмме. В ее глазах больше не было страха. Была решимость.

Голографическое дерево замерцало и начало вращаться, подсвечивая ключевые фигуры этой теневой армии. Операция по анатомированию души монстра началась.

Глава 16. Галерея Негодяев

Следующие несколько циклов корабль жил в режиме мозгового штурма. Центральный отсек превратился в подобие детективного агентства и психиатрической клиники одновременно. Голографический стол был завален файлами, видеозаписями, выдержками из книг, судебными протоколами и анонимными свидетельствами с самых темных уголков планетарной сети. Артон, Сириус и Дея, словно патологоанатомы, препарировали личности, стоящие за выстроенной ими машиной террора.

— Начнем с маэстро, — предложил Сириус, выводя на центральный экран крупный, почти благостный портрет седовласого мужчины в очках. Под ним бегущей строкой шли данные: «Александр Дворкин. Историк, богослов, профессор. Основатель антикультового движения в России».

— «Богослов», — Сириус произнес это слово с интонацией, с какой говорят о редком виде плесени. — Родился в Москве, в 20 лет эмигрировал в США. Там, внезапно проникшись духовностью, крестился. Получил диплом богослова и степень PhD по истории. Вернулся в Россию и начал свою священную войну. Биография, достойная жития святого. Если бы не пара пикантных деталей.

— Например? — спросила Дея, кутаясь в плед.

— Например, то, что его американский диплом доктора философии в России не имеет никакой силы, так как он не прошел нострификацию. То есть, здешняя научная среда его «профессором» не признает. Звание ему пожаловал лично патриарх. Это как если бы адмиралом кого-то назначил главный повар на камбузе, — Сириус сделал паузу. — А еще он гражданин США. Патриот России с американским паспортом, борющийся с «тлетворным влиянием Запада» на деньги... а впрочем, к деньгам мы еще вернемся. Главное — это сам метод. Он не просто боролся с кем-то. Он изобрел врага. Он ввел в язык термин «тоталитарная

секта» и сам же стал главным экспертом по этому явлению. Гениально! Создать болезнь и тут же начать продавать от нее лекарство.

— Это не просто гениально, это классический захват власти над дискурсом, — подхватил Артон. — Он не присоединился к существующему спору, он создал саму его рамку. Он сказал: «Мир делится не на религии и философии, а на "традиционные ценности" и "тоталитарные секты"». И все, кто не с ним, автоматически попадают во вторую категорию. Он стал демиургом, определяющим, что есть свет, а что — тьма. Но посмотри глубже. В его биографии — постоянные разрывы. Разрыв с родиной, потом разрыв с атеизмом, потом возвращение. Человек, который постоянно ищет, к чему бы примкнуть, чтобы тут же возглавить это и объявить войну всем остальным. Это психология не строителя, а разрушителя, который маскируется под защитника.

— А критика? — спросила Дея. — Я читала, что его обвиняли в подтасовках, в клевете... Есть даже судебные решения.

— Критика для него — это как масло для огня, — усмехнулся Сириус. — Она его только раззадоривает. Всех критиков он записывает в «сектанты» или «агенты сект». Замкнутый круг. Если ты с ним не согласен — ты сектант. А если ты сектант, твое мнение ничего не стоит. Он создал себе индульгенцию на любую ложь. А про анонимные свидетельства его... кхм... личных пристрастий я пока молчу. Это вишенка на торте, которую мы оставим на десерт.

На экране сменился портрет. Теперь на них смотрел мужчина в рясе с тяжелым крестом, его взгляд был суров и непреклонен. «Протоиерей Александр Новопашин. Правая рука Дворкина, кинорежиссер».

— А вот и силовой блок, — констатировал Сириус. — Наш отец-протоиерей. Борец с наркоманией, режиссер фильмов об угрозах экстремизма. И одновременно — вице-президент их главной конторы, РАЦИРС. В своих проповедях он называет украинцев «людоедами», а президента соседней страны — «змеенышем». Призывает к войне и искоренению «сатанизма».

— Симбиоз церкви и карательного аппарата, — задумчиво проговорил Артон. — Если Дворкин — это мозг и идеолог, то Новопашин — это голос, легитимизирующий насилие с амвона. Он дает божественную санкцию на ненависть. Он превращает политическую борьбу в священную войну. А это уже

совсем другой уровень мобилизации масс. Одно дело — бороться с «инакомыслящими», и совсем другое — с «сатанистами» и «людоедами». Во втором случае любые зверства оправданы.

— Он снял фильм «Рядом с нами», — тихо сказала Дея, просматривая информацию на своем планшете. — Про то, как девушку вербуют в террористическую организацию. А потом в своих проповедях говорит, что те, кто не поддерживает войну, — предатели Церкви и Отечества. Он сам создает тот мир, которым пугает в своих фильмах.

— Следующий экспонат нашей кунсткамеры, — Сириус не дал воцариться тяжелой паузе. — Заокеанский коллега. Рик Алан Росс. Специалист по «депрограммированию».

На экране появилось фото энергичного американца.

— Образования в области психологии или религии — ноль. Зато в анамнезе — судимость за попытку кражи со взломом и махинации с драгоценностями. Прекрасный старт для карьеры душеведа, не так ли? — сарказм Сириуса был осязаем. — Его главный «подвиг» — дело Джейсона Скотта. Парня из пятидесятнической церкви похитили по заказу его же матери, и наш Рик пять дней «депрограммировал» его, держа в наручниках. Суд по уголовному делу он выиграл, а вот по гражданскому — проиграл с треском. Был признан виновным в заговоре с целью лишения человека гражданских прав и религиозных свобод.

— Спасение через насилие, — пробормотал Артон. — Классическая инквизиторская модель. «Мы причиним тебе невыносимую боль ради спасения твоей бессмертной души». Только здесь вместо души — «промытый мозг». Это человек, который так и не вышел из своей криминальной юности. Он просто сменил объект взлома: раньше это были ювелирные магазины, теперь — человеческие головы. Метод тот же — силовой, без согласия владельца. И посмотрите на его роль в осаде Уэйко. Он консультировал ФБР, советовал «публично унижить» лидера «Ветви Давидовой» Дэвида Кореша. То есть, его тактика — не диалог, а эскалация и унижение. Это почерк не психолога, а тюремного надзирателя.

— Американская психологическая ассоциация не признает его теорий, крупнейшие ассоциации по изучению культов не направляют к нему людей... —

добавила Дея. — Он изгой даже в своем собственном, и без того сомнительном, сообществе.

— А вот его главный конкурент и критик, — Сириус вывел на экран следующий портрет. — Стивен Хассан. Этот, в отличие от Росса, с другой историей. Сам был в «культе Муна». Его оттуда вытащили те самые «депрограммеры». И он, пережив этот опыт, решил, что нашел золотую жилу.

— Он превратил свою травму в продукт, — уточнил Артон. — Это более тонкий случай. Он создал модель BITE — Контроль Поведения, Информации, Мышления и Эмоций. На первый взгляд, звучит научно. Но если присмотреться, это универсальный набор ярлыков, который можно навесить на что угодно: от армии и политической партии до корпорации Apple или группы вегетарианцев. Он, как и Дворкин, создает инструмент, который делает его незаменимым «диагностом». Но его главная проблема, как и у всех них, — в обобщении. Он экстраполирует свой личный, безусловно, травматичный опыт на миллионы других людей, отказывая им в праве на собственный выбор и собственный путь.

— Он тоже участвовал в принудительных «депрограммированиях» на заре карьеры, — заметила Дея. — Потом отказался от этого, стал проповедовать «ненасильственное консультирование». Но шлейф остался. И эта его книга, «Культе Трампа»... Он применяет ту же модель к половине населения страны, объявляя их зомбированными. Это уже не психология, это политическая пропаганда.

Сириус потер руки с мрачным энтузиазмом. — А теперь, дамы и господа, приготовьтесь. Мы спускаемся на следующий круг ада. Знакомьтесь, Якуб Яхл. Чешский активист, «гуманитарный работник».

На экране появилось фото молодого человека. За ним — фотографии африканских детей. — Милый мальчик, да? Собирал в Европе деньги на приют для сирот в Танзании. Писал обличительные книги о «преступлениях Мэрилина Мэнсона». Выступал на конференциях как эксперт по сектам. А потом... потом всплыли показания свидетелей.

Сириус вывел на экран выдержки из отчетов и субтитры из документального фильма. Дея ахнула и прижала руку ко рту. Артон окаменел. Даже Сириус перестал ухмыляться. — Изнасилования. В том числе десятилетней девочки,

которую он порезал ножом, когда она сопротивлялась. Содомия с мальчиками-подростками в «приюте». Накачивание детей наркотиками, чтобы они молчали. Финансовые махинации на десятки тысяч долларов. Это не просто антикультист. Это монстр, который использовал антикультовую риторику как идеальное прикрытие. Он боролся с «абсолютным злом» в лице рок-музыкантов, а в это время сам творил зло в его самой дистиллированной, самой омерзительной форме.

Наступила тяжелая тишина.

— Он... он сейчас на свободе? — с трудом выдавила Дея.

— Более чем, — глухо ответил Сириус. — Он вернулся в Чехию и поступил в университет. На педагогический факультет. Хочет работать с детьми.

Дея закрыла лицо руками. Артон встал и отошел к иллюминатору, глядя на далекую, мирно сияющую голубую планету.

— Теперь понятно, — сказал он, не оборачиваясь. — Теперь все сходится.

Он вернулся к столу. — Мы искали общие черты. И мы их нашли. Но это не просто черты. Это системный диагноз. Он начал перечислять, загибая пальцы:

— **Первое. Нарциссическое расстройство личности.** У всех. Непомерное эго, убежденность в собственной исключительности и праве судить других. Они не служат идее, они заставляют идею служить себе.

— **Второе. Отсутствие эмпатии.** Они не способны сопереживать своим жертвам. Боль других для них — абстракция или, что еще хуже, подтверждение их правоты. Вспомните Кременовскую, догхантершу из Украины. Она называла крики умирающих собак «симфонией». Она просто сменила объект. Яхл, судя по всему, получает от страданий детей садистское удовольствие.

— **Третье. Профессиональное самозванство.** Никто из них не имеет реальной, признанной квалификации в тех областях, где они себя позиционируют как верховные арбитры. Дворкин — «профессор» без научной степени. Росс — «психолог» с криминальным прошлым. Это создает комплекс неполноценности, который они компенсируют агрессивной самоуверенностью и тотальным отрицанием любой авторитетной критики.

— **Четвертое. Проекция.** Они приписывают своим врагам те грехи, которыми страдают сами. Дворкин, которого анонимные источники обвиняют в извращениях, кричит о сексуальной эксплуатации в «сектах». Росс, взломщик, говорит о «взломе сознания». Это классический фрейдовский механизм защиты. Они борются не с врагами, они борются с собственным отражением в зеркале, пытаясь уничтожить его.

— **И пятое, самое главное,** — Артон посмотрел на своих друзей. — **Патологическая жажда власти и контроля.** Не власти в политическом смысле. А абсолютной, тотальной власти над другим человеком. Власти решать, во что ему верить, что ему чувствовать, имеет ли он право на существование. «Депрограммирование» — это акт абсолютного психологического насилия. Создание «черных списков» — это право решать, кто достоин жить в обществе, а кто — нет. Для них антикультизм — это не убеждение. Это лицензия на садизм. Это единственная легальная в современном мире форма инквизиции, позволяющая пытаться, унижать и уничтожать других под благовидным предлогом.

Он замолчал, обводя взглядом их импровизированную галерею. Портреты смотрели со стен, как маски в музее восковых фигур — безжизненные, но хранящие отпечаток чудовищной воли.

— Ты был прав, Артон, — сказал Сириус, и в его голосе не было ни капли сарказма, только холодная констатация. — Нормальный человек на это не способен.

— Нет, — покачала головой Дея, поднимая на них глаза, полные слез и гнева. — Нормальный, психически здоровый человек никогда, ни при каких обстоятельствах не смог бы стать на этот путь. Никогда не стал бы получать удовольствие от жестокости, от навязывания своей воли, от разрушения чужой жизни. Это не борцы. Это не эксперты. Это пациенты. Опасные, вооруженные идеологией пациенты, которые сбежали из своей палаты и теперь пытаются превратить в палату весь мир.

Глава 17. Запах Бездны

Тишина на борту стала густой и вязкой, как застывающая смола. Галерея негодяев, выстроенная ими на голографическом столе, смотрела на них пустыми

глазницами портретов, и в этой пустоте таилась бездна. Они вскрыли внешний слой опухоли, описали ее метастазы, но ядро, породившее рак, оставалось неуловимым.

— Пациенты, — повторил Сириус, нарушив долгое молчание. В его голосе не было привычного сарказма, только холодная, почти клиническая констатация. — Выписаны из палаты №6 досрочно за примерное поведение. И теперь они лечат мир. Железным прутом и ржавым скальпелем.

— Но это не объясняет главного, — Артон медленно расхаживал по отсеку, его тень скользила по белоснежным стенам. — Патология объясняет мотив отдельного маньяка. Но как один маньяк, пусть даже самый харизматичный, смог построить международную, дисциплинированную, финансово успешную организацию? Как ему удалось подчинить себе чиновников, силовиков, журналистов? Одного нарциссизма и жажды власти недостаточно. Должен быть инструмент. Крючок. Нечто, на что он ловит не просто заблудшие души, а вполне циничных и облеченных властью хищников.

— Компромат? — предположила Дея. — Шантаж? Деньги?

— Слишком банально, — отмахнулся Сириус, не отрывая взгляда от центрального портрета Дворкина. — Деньгами этих людей не удивишь, у них у самих доступ к кормушке. Компромат на коррупции? В этой системе это не компромат, а резюме. Нужно что-то... запредельное. Нечто, что ставит человека вне закона не только юридического, но и человеческого. Нечто, в чем стыдно признаться даже самому себе.

— Слухи, — произнес Артон, останавливаясь у стола. — Помните, что проскальзывало на тех закрытых форумах? Среди потока клеветы и конспирологии, которую они сами же и плодят. Информация, которую даже их враги боятся озвучивать всерьез, чтобы не выглядеть сумасшедшими.

Дея поежилась. — Про... копрофилию?

Сириус скривился, словно попробовал лимон. — Фекальная тематика. Прекрасно. Мы спустились от высокой философии к проблемам канализации. Остап Ибрагимович и не мечтал о таком сюжетном повороте.

— Не торопись с выводами, — остановил его Артон. Его взгляд был острым, как у хирурга, нащупавшего скрытый нарыв. — Давайте на секунду допустим, что это

правда. Не просто личное, тайное извращение, которое он прячет в подвале. А что, если это... *метод*? Что, если это краеугольный камень всей системы?

— Метод чего? — не понял Сириус. — Захвата мира с помощью экскрементов? Это даже для этого абсурдного театра перебор.

— Метод вербовки. Идентификации. Посвящения, — Артон загибал пальцы. — Представь. Ты — Дворкин. Тебе нужны не просто сторонники, тебе нужны абсолютно преданные, связанные с тобой одной цепью адепты. Те, кто никогда тебя не предаст. Как их найти? Как проверить? Ты должен предложить им нечто, что отсеет нормальных и привлечет таких же, как ты. Скрытых психопатов. Тех, для кого унижение другого — источник наслаждения. Тех, кто готов переступить последнюю черту.

— «Фекальная инициация», — глухо проговорил Сириус. Лицо его было серьезным. — Ты предлагаешь высокопоставленному чиновнику или прокурору... поучаствовать в ритуале. Если он в ужасе убегает — он враг. Если он остается и участвует — он твой. Навеки. Потому что теперь у тебя есть доказательство. Видео. Фото. Нечто, что уничтожит его карьеру, семью, всю его жизнь. Это не просто шантаж. Это создание тайного ордена, члены которого повязаны не кровью, а... дерьмом.

— Это чудовищно, — прошептала Дея, прижимая ладони к щекам. — Это... за гранью.

— Именно! — воскликнул Артон. — За гранью! Поэтому это и работает. Классический шантаж оставляет жертве пути к отступлению. Можно покаяться в коррупции, можно объяснить любовную связь. Но в *этом* покаяться невозможно. Признание в *таком* — это социальная смерть. Полное и бесповоротное обнуление. Человек, попавший на этот крючок, становится абсолютным рабом. Он сделает все, что ему прикажут. Проведет любой закон. Посадит любого невиновного. Просто чтобы эта запись никогда не увидела свет.

В отсеке снова повисла тишина. Теперь она была не просто вязкой, а удушливой. Гипотеза, казавшаяся бредом сумасшедшего, внезапно обрела леденящую логику. Она объясняла все: иррациональную преданность адептов, необъяснимую поддержку со стороны властных структур, звериную ненависть к тем, кто пытается

копать глубже. Они защищали не идею. Они защищали свою самую грязную, самую страшную тайну.

— Но это всего лишь гипотеза, — наконец произнес Сириус, хотя в его голосе не было уверенности. — У нас нет ни одного доказательства. Просто обрывки слухов с форумов для параноиков.

В этот момент на боковой панели мягко мигнул индикатор входящего сообщения. Шифрованный канал, который они использовали для связи с внешним миром, ожил впервые за несколько недель. Сириус коснулся сенсора. На центральном голографическом столе появилась короткая текстовая строка:

Я нашел кое-что. Черный ящик их бухгалтерии. Данные повреждены, но кое-что удалось вытащить. Это не просто деньги. Это карта. Карта их власти. Будьте осторожны. От этого несет мертвечиной. И не только. — А.

Это был он. Алексей. Таинственный программист-одиночка, который, судя по всему, вел свою собственную войну с системой порабощения на Земле. Они ни разу не общались напрямую, лишь обменивались зашифрованными пакетами данных через анонимные ретрансляторы.

Под сообщением медленно материализовался значок загрузки. Защищенный архив, весом в несколько терабайт.

— Контора пишет, — мрачно усмехнулся Сириус. — Похоже, сегодня нам предстоит генеральная уборка в авгиевых конюшнях.

— Нет, — поправил его Артон, глядя на мерцающий значок загрузки. — Сегодня мы будем не чистить их. Сегодня мы будем в них нырять. С головой. Готовьте дыхательные аппараты, друзья. Мы спускаемся в самую глубокую и грязную кроличью нору на этой планете.

Дея молча кивнула, ее лицо было бледным, но решительным. Она подошла к своему терминалу, готовясь к работе. Это больше не было абстрактным исследованием. Это была грязная, омерзительная, но абсолютно необходимая работа. Чтобы вычистить этот гнойник, нужно было сначала вскрыть его до самого дна. И запах, который оттуда ударит, мог свести с ума.

Глава 18. Червь в яблоке

Загруженный архив напоминал содержимое жесткого диска, пережившего прямое попадание молнии. Файлы были фрагментированы, каталоги перемешаны, имена превратились в абракадабру из спецсимволов. Это был цифровой хаос, намеренно созданный или ставший результатом поспешного удаления.

— Похоже на финансовый сервер их головной конторы, — Сириус колдовал над консолью, его пальцы летали над виртуальной клавиатурой. На голограмме вихрем неслись строки кода. — Алексей, видимо, успел скопировать кэш перед тем, как они попытались все сжечь. Дилетанты. Думали, что нажатие кнопки «Delete» решает проблему. На этой планете до сих пор верят в Деда Мороза и безвозвратное удаление данных.

— Что-нибудь целое есть? — спросил Артон, всматриваясь в калейдоскоп битых файлов.

— Есть. Тысячи мелких фрагментов. Логи транзакций, обрывки почтовой переписки, куски баз данных, черновые версии «экспертных заключений», — Сириус вывел на экран несколько документов. Один из них был проектом доноса на небольшую группу любителей йоги, которых обвиняли в «дестабилизации духовных скреп» и «несанкционированной медитации». — Полюбуйтесь на слог. «Адепты данного культа принимают противоестественные позы, оскорбляющие общественную нравственность и подрывающие основы государственности». Поза «собака мордой вниз» как угроза национальной безопасности. Оруэлл аплодирует стоя.

— Это дымовая завеса, — отмахнулся Артон. — Нас интересует не то, что на поверхности, а то, что в глубине. Финансы. Ищи аномалии. Необычные платежи, скрытые счета, транзакции, не связанные с их официальной деятельностью.

Несколько часов они работали в полной тишине. Сириус писал скрипты, которые, как умные ищайки, рыскали по цифровым руинам, сшивая разорванные куски информации. Дея занималась визуализацией: она создавала на голограмме динамическую карту связей, где каждый найденный контакт, каждая транзакция превращались в светящуюся нить. Артон выполнял роль главного аналитика, отыскивая в этом хаосе логику и паттерны.

Постепенно перед ними начала вырисовываться картина. Сначала она была туманной, но с каждым новым найденным фрагментом проступала все четче, как изображение на старой фотопластинке.

— Есть, — сказал наконец Сириус. — Нашел цепочку. Несколько десятков, на первый взгляд, несвязанных платежей. Суммы небольшие, от тысячи до пяти тысяч в их условных единицах. Назначение платежа — «благотворительное пожертвование», «оплата консультационных услуг», «грант на исследование».

Он вывел на экран схему. Деньги уходили со счетов РАЦИРС в несколько подставных фондов с благозвучными названиями: «Забота о будущем», «Духовное наследие», «Семья и традиция». А уже оттуда...

— А оттуда они расползаются, как тараканы, — продолжил Сириус. — Смотрите. Вот платеж на десять тысяч. Получатель — ювелирный салон класса люкс. В примечании — «подарочный сертификат №778». А вот следующий платеж — уже из другого фонда, на счет элитного туристического агентства. «Оплата тура на Мальдивы для г-жи Смирновой».

— Смирнова? — Артон нахмурился. — Проверь это имя.

Через несколько секунд на экране появилось досье. Смирнова Наталья Игоревна, супруга судьи федерального суда Смирнова Антона Петровича.

— А теперь, фокус-покус, — Сириус открыл другой файл. — Судебные решения за последние три года. Вот, пожалуйста. Судья Смирнов Антон Петрович. Отклонил три иска о защите чести и достоинства против Дворкина. Признал «экстремистской» книгу известного религиоведа, критиковавшего деятельность РАЦИРС. Санкционировал обыск у правозащитников, помогавших жертвам «антикультистов». Милое совпадение, не правда ли? Жена получает колье и Мальдивы, а муж штампует нужные решения.

— Это обычная коррупция, — сказала Дея. — Мерзко, но предсказуемо.

— Не торопись, — возразил Артон. — Это только первый слой. Взятка — это сделка. Сегодня он взял, а завтра может отказаться или потребовать больше. Или его поймают, и он сдаст всех с потрохами. Дворкину нужна не сделка. Ему нужна абсолютная лояльность. Рабство. Ищи дальше, Сириус. Должно быть что-то еще. Что-то, что предшествовало этим «подаркам».

Сириус снова погрузился в код. Карта связей, которую строила Дея, становилась все гуще. На ней появлялись новые имена: прокуроры, высокопоставленные чиновники из министерства юстиции, полковники спецслужб, известные телеведущие. Схема была одна и та же: сначала непонятные, зашифрованные контакты, а затем — поток щедрых «пожертвований» и «оплат услуг», которые оседали на счетах их родственников, любовниц, в виде дорогих автомобилей и квартир.

— Они даже не прячутся, — покачал головой Сириус. — Уверенность в полной безнаказанности. Но где же первопричина? Где тот самый крючок?

Он запустил новый скрипт, который искал не финансовые транзакции, а временные корреляции. Он сопоставлял даты первых «подарков» с другими событиями из жизни этих людей.

— Есть кое-что странное, — через час доложил он. — Нашел в логах почтового сервера обрывки переписки. Зашифрованные, конечно. Но некоторые заголовки и служебная информация сохранились. За неделю-две до первого крупного «подарка» многим из этих фигурантов приходило приглашение. От личного помощника Дворкина. Тема письма: «Приглашение на закрытую встречу "Дивеевского братства"».

— «Дивеевское братство»? — переспросил Артон. — Это название уже где-то всплывало.

— Да, в тех же слухах, — подтвердил Сириус. — Якобы это некий тайный орден внутри РПЦ, куда входят самые влиятельные силовики и чиновники. Вроде масонской ложи, только с православным уклоном. Место встречи в приглашениях разное, но чаще всего — загородный дом в элитном подмосковном поселке, оформленный на одну из подставных фирм.

— Что происходило на этих встречах? — спросила Дея.

— Вот тут-то и начинается самое интересное, — Сириус увеличил фрагмент расшифрованного лога. Это был кусок чата между двумя сотрудниками IT-отдела РАЦИРС.

user1: Опять шеф "крещение" устраивает в субботу. Камеры проверил? user2: Проверил. И главный микрофон в "чаше". Звук чистый. user1: Смотри, чтобы запись не утекла. А то будет как с тем полковником, который потом в окно вышел.

user2: Да помню. Все под тройным шифрованием. Хотя, если честно, меня уже тошнит от этих записей. Не понимаю, как шеф может это смотреть, да еще и с таким удовольствием. user1: У него своя "духовность". Нам лучше в это не лезть. Наше дело — техника. Почистил логи после прошлого раза? user2: Как всегда. Будто и не было ничего.

— «Крещение», — медленно повторил Артон. — «Чаша». «Главный микрофон». «Запись».

— «Полковник, который вышел в окно», — добавил Сириус. — Видимо, не выдержал такого «крещения».

— Они записывают это, — прошептала Дея. — Они записывают ритуал посвящения. И хранят эти записи.

Артон подошел к голограмме и коснулся светящейся точки с именем судьи Смирнова. — Теперь пазл складывается. Сначала человека приглашают на «духовную беседу» в элитный клуб для избранных. Ему льстят, говорят о его роли в спасении страны от «сектантской угрозы». Затем, под видом особого ритуала, высшей степени доверия, происходит... «крещение». И все это тщательно документируется. А через неделю его жена получает «подарочный сертификат». Это уже не взятка. Это поводок. Короткий поводок, который держит сам Дворкин.

— Но что это за ритуал? — Сириус вглядывался в схему. — Мы все еще ходим вокруг да около. Нам нужен сам файл. Та самая запись, от которой «тошнит» даже этих циничных айтишников.

Он снова вернулся к консоли. — Алексей упоминал, что данные повреждены. Возможно, видеофайлы уничтожены безвозвратно. Но он говорил и о другом.

Сириус открыл текстовый файл, вложенный в архив. Это было короткое примечание от программиста.

Я искал видео, но нашел кое-что похуже. Аудио. Файл называется "Исповедь". Похоже, один из них не выдержал и наговорил все на диктофон перед тем, как... ну, вы поняли. Файл сильно поврежден и зашифрован ключом, который генерируется на основе личных биометрических данных Дворкина. Голос, сетчатка, что-то еще. Обойти не смог. Но кусок самого файла я вытащил. Может, у вас получится.

Под текстом был значок единственного, почти полностью разрушенного, но все же опознаваемого аудиофайла. Название его состояло из одного слова: Judas.mp3 .

— Иуда, — проговорил Артон. — Кто-то решил предать, но не успел. Или успел, но только так.

— И оставил нам ключ к разгадке, — закончил Сириус. — Если мы сможем это расшифровать. Задача нетривиальная. Нам нужен биометрический ключ самого Дворкина.

Они переглянулись. Достать биометрию человека, окруженного параноидальной системой безопасности, было почти невозможно. Почти.

— Он часто выступает на публике, — задумчиво сказала Дея. — Дает интервью, проводит пресс-конференции. Высококачественные записи...

— Этого хватит для голоса, — кивнул Сириус. — Сетчатку можно попробовать вытащить из фотографий высокого разрешения. Остальные параметры... придется моделировать. Но шанс есть.

— Тогда за работу, — сказал Артон. — Этот Иуда не должен был умереть напрасно. Пора услышать его исповедь.

Центральный отсек корабля снова погрузился в тишину, но теперь в ней звенело напряженное ожидание. Они стояли на пороге последней комнаты в этом доме ужасов. И знали, что за дверью их ждет нечто омерзительное. Но они должны были ее открыть.

Глава 19. Коричневая нота

Работа по восстановлению файла Judas.mp3 напоминала реставрацию древней фрески, написанной на рассыпающемся песке. Сириус построил самый сложный алгоритм, который анализировал тысячи часов публичных выступлений Дворкина, его интервью и даже пиратские записи лекций. Он выделил тембр, интонации, ритм речи — все уникальные маркеры голоса, создав из них цифровой слепок. Дея, используя программы для обработки изображений, работала с фотографиями. Она увеличивала снимки, сделанные на профессиональную

оптику, до тех пор, пока пиксели не начинали распадаться, пытаюсь извлечь из отражений в очках и отблесков на роговице четкий рисунок сетчатки. Артон же погрузился в психологический анализ, пытаюсь на основе трудов Дворкина, его биографии и свидетельств очевидцев смоделировать недостающие биометрические параметры — те неуловимые психофизиологические реакции, которые тоже могли быть частью ключа.

Это была гонка со временем и энтропией. Несколько раз система выдавала ошибку, и им приходилось начинать все заново. Наконец, после почти суток непрерывной работы, на экране вспыхнула зеленая надпись: «КЛЮЧ СГЕНЕРИРОВАН. ВЕРОЯТНОСТЬ СОВПАДЕНИЯ — 78,4%».

— Не идеально, но должно хватить, — выдохнул Сириус, откидываясь в кресле. — Запускаю дешифратор. Если повезет, услышим хоть что-то.

Он активировал процесс. Индикатор выполнения медленно пополз вправо. В отсеке стояла такая тишина, что было слышно, как гудят системы охлаждения. Десять процентов. Двадцать. Пятьдесят. На семидесяти процентах процесс замедлился. Появились сообщения об ошибках в данных, о нечитаемых секторах.

— Держись, — пробормотал Сириус, вручную корректируя параметры. — Держись, Иуда.

Наконец, индикатор достиг ста процентов. Файл был расшифрован. Точнее, то, что от него осталось. Около пятнадцати минут искаженного, прерывающегося звука.

— Включаю, — предупредил Сириус. — Уровень шума высокий. Постараюсь отфильтровать.

Он нажал на кнопку воспроизведения.

Из динамиков полился треск и шипение, похожее на шум старого радиоприемника. На его фоне пробивался тихий, срывающийся мужской голос. Голос человека, находящегося на грани истерики.

«...не могу больше... Господи, если ты есть, прости меня... Я думал, мы служим России, служим Богу... а мы... о, Боже... мы служим ему... дьяволу в рясе...»

— Это не полковник, — сказал Артон. — Судя по тембру и оборотам речи, это священник. Один из его ближайших соратников.

Голос на записи зарыдал — глухо, надсадно.

«...называл это "таинством". "Высшей степенью доверия". Он собрал нас в том доме... Меня, отца Виктора, прокурора Матвеева... даже тот мальчишка из администрации президента был... Все такие важные, надутые индюки... А он вышел к нам... в одном епитрахиле на голое тело... и улыбался. Такой ангельской, понимающей улыбкой...»

Сириус увеличил громкость, пытаясь убрать помехи. Голос стал чуть разборчивее.

«...говорил о смирении. О том, что гордыня — главный грех. Что мы должны умертвить в себе ветхого человека, чтобы стать истинными воинами Христовыми. Говорил, что только полное, абсолютное послушание Пастырю может спасти нас и Россию... И принесли "чашу"... Золотую, церковную... А в ней... Господи...»

Голос снова сорвался на всхлип. На фоне слышался звук — кто-то на записи тяжело, прерывисто дышал, словно пытался подавить приступ рвоты.

«...он сказал, что это — "причастие нового мира". Что мы должны вкусить "прах земной", из которого созданы, чтобы доказать свое смирение. Первым подошел Матвеев... бледный, как полотно... Взял ложечку... и... Я видел его глаза в тот момент. Глаза человека, который только что продал душу. Не за деньги. За страх...»

Дея зажала рот рукой. Ее лицо было белым, как стены отсека. Сириус сидел неподвижно, его челюсти были плотно сжаты. Артон закрыл глаза. Ему не нужно было видеть. Он слышал достаточно.

«...а потом моя очередь... Я... я не мог... Меня вырвало прямо там... А он... Дворкин... он подошел, положил мне руку на плечо и сказал так тихо, ласково: "Ничего, сын мой. Господь милостив. Через отторжение приходит принятие. Попробуй еще раз. Ради России". И его глаза... они смеялись. В них не было ничего святого. Только холодное, хищное, садистское наслаждение от нашего унижения... И я... я сделал это. Я съел. Господи, я съел это дерьмо с золотой ложки под его одобрительный взгляд...»

На записи раздался звук бьющегося стекла — видимо, говорящий что-то швырнул в стену.

«...а потом он показал нам запись. Скрытые камеры. Наши лица. Искажённые от омерзения, от ужаса. И сказал: "Теперь мы — братья. Теперь мы повязаны одной тайной. Теперь вы — мои. Навеки". И мы стали его рабами. Писали лживые экспертизы. Фабриковали дела. Уничтожали невинных. Потому что альтернативой была эта пленка. На столе у президента. В интернете. Где угодно. Это была бы не просто отставка. Это был бы конец. Позор, который не смыть...»

Сириус резко выключил звук. В наступившей тишине было слышно, как тяжело дышит Дея.

— Включи снова, — твердо сказал Артон.

— Там дальше почти ничего нет. Шум и обрывки фраз, — глухо ответил Сириус.

— Включи.

Сириус подчинился. Снова шипение, треск. И сквозь них — последние слова неизвестного священника, произнесенные уже почти шепотом, как предсмертная молитва.

«...он не человек... он... сосуд... сосуд скверны... он собирает вокруг себя таких же... одержимых... тех, кто получает удовольствие от боли... Я видел, как он смотрел запись... он пересматривал ее... снова и снова... он... он этим живет... Простите... простите меня все...»

Запись оборвалась резким щелчком.

Несколько минут никто не мог произнести ни слова. Они заглянули в бездну. И бездна пахла разложением и экскрементами. Гипотеза перестала быть гипотезой. Она стала омерзительной, тошнотворной реальностью.

— Ну что ж, — первым нарушил молчание Сириус, его голос был хриплым. — Великий комбинатор нервно курит в сторонке. Тот хотя бы стулья продавал. А этот... этот продает души. Оптом. Со скидкой за лояльность.

— Это не продажа душ, — возразил Артон. Он открыл глаза, и в них плескалась холодная ярость. — Это их аннигиляция. Он нашел абсолютное оружие. Не ядерное, не биологическое. Психологическое. Он нашел точку абсолютного унижения человека. Ту черту, за которой личность распадается, оставляя лишь послушную оболочку, движимую животным страхом.

— Но зачем? — Дея подняла на них заплаканные глаза. — Зачем ему это? Власть? Деньги? Этого можно добиться и другими способами.

— Удовольствие, — отрезал Артон. — Вспомни последние слова на записи: «Он этим живет». Это не средство. Это цель. Власть и деньги — лишь побочный продукт. Главное для него — это сам процесс. Абсолютная, садистская власть над другим существом. Наслаждение от его унижения, от его страданий. Он — идеальный психопат, нашедший идеальную формулу для реализации своих самых темных желаний. Он создал религию, в которой богом является он сам, а главный ритуал — копрофагия.

Он подошел к голографической карте, которая теперь выглядела как схема разветвленной раковой опухоли. — Мы думали, что боремся с идеологией. С фанатизмом. С ложью. Какая наивность. Мы боремся с канализацией, с чумой, которая маскируется под лекарство. И теперь у нас есть доказательство. Исповедь Иуды.

— Доказательство, которое нельзя никому предъявить, — возразил Сириус. — Кто нам поверит? Нас самих объявят сумасшедшими или агентами тех самых «сект». Скажут, что это грязная фальшивка. Дворкин и его рабы будут кричать об этом с каждого телеканала.

— Возможно, — согласился Артон. — Но теперь мы знаем их главную уязвимость. Их Ахиллесову пяту. Этот страх. Панический, животный страх разоблачения. Они построили свою империю на дерьме, и теперь они больше всего на свете боятся, что кто-то включит свет и все увидят, во что они вляпались. И мы должны найти способ включить этот свет. Не просто для одной страны. Для всей планеты.

Он обвел взглядом своих друзей. Их лица были изможденными, но в глазах горела стальная решимость. Отвращение, которое они испытали, переплавилось в холодную, звенящую ярость. Теперь это было личное. Они увидели лицо монстра. И они не могли просто отвернуться.

Глава 20. Струны кукловода

Исповедь Иуды стала для них Розеттским камнем. Теперь, обладая ключом к шифру, они могли читать между строк в том хаосе данных, что прислал Алексей.

Прежде бессмысленные обрывки фраз и непонятные транзакции обрели зловещий смысл.

— Перекрестная проверка, — скомандовал Артон. Его голос звучал ровно и отстраненно, как у хирурга во время сложной операции. Это была защитная реакция. Эмоции мешали анализу, а им нужна была предельная ясность ума, чтобы не утонуть в этой грязи. — Сириус, возьми список всех известных членов «Дивеевского братства» из логов. Дея, подними все публичные записи об их профессиональной деятельности за последние пять лет: судебные решения, законопроекты, публичные заявления, журналистские расследования. Я буду искать корреляции.

Центральный отсек превратился в улей. Сириус выделил из архива около сотни имен. Среди них были не только судья Смирнов и прокурор Матвеев. Там были депутаты, генералы ФСБ и МВД, владельцы крупных медиахолдингов, ректоры университетов и даже несколько известных деятелей культуры, славившихся своим показным патриотизмом.

Дея, сцепив зубы, выводила на свою часть голографического стола их «послужные списки». Картина, которая начала вырисовываться, была систематической и ужасающей.

— Генерал-лейтенант полиции Потапов, — доложила Дея. — Три года назад возглавил комиссию по борьбе с экстремизмом. Через месяц после предполагаемой даты его «крещения» — вот приглашение на встречу «братства» — его комиссия выпускает методичку для региональных управлений, где в качестве признаков «экстремистского поведения» указаны вегетарианство, увлечение восточной философией и отказ от просмотра государственных телеканалов. Через два месяца его восемнадцатилетнему сыну дарят новый спортивный автомобиль. Платеж прошел через один из ваших подставных фондов, Сириус.

— Депутат Воронцов, — продолжил Артон, указывая на другую нить на схеме. — Глава комитета по делам семьи. Два года назад инициировал поправки в закон, упрощающие процедуру лишения родительских прав по обвинению в «вовлечении в деструктивный культ». Закон приняли в трех чтениях за неделю. За две недели до этого — вот его приглашение. Через месяц его любовница

покупает пентхаус в центре Москвы. Сделка оплачена наличными, но источник денег — снятие крупной суммы со счета фонда «Духовное наследие».

— Главный редактор телеканала «Набат» Юрий Соловей, — подхватил Сириус. — Лично вел серию передач, где поливал грязью правозащитников и адвокатов, защищавших жертв РАЦИРС. Дата начала медиа-кампании — три недели спустя после его «встречи с братством». Через два месяца его жена открывает художественную галерею. Стартовый капитал — «беспроцентный заем» от той же подставной структуры.

Карта на голограмме расцветала красными нитями, соединяя членов «братства» с их решениями и последующими «вознаграждениями». Это была не просто коррупционная сеть. Это был идеально отлаженный механизм управления государством. Дворкин не нуждался в том, чтобы самому сидеть в Кремле. Он расставил своих марионеток на все ключевые посты. И дергал за самые грязные, самые чувствительные ниточки.

— Гениально, — не удержался от мрачного восхищения Сириус. — Это ведь не просто шантаж. Он создал для них параллельную реальность. В обычном мире они — респектабельные господа, столпы общества, защитники морали. А в его мире, в мире «братства», они — соучастники омерзительного ритуала, повязанные общей тайной и общим позором. Эта двойная жизнь создает чудовищное напряжение. И единственный способ его снять — это еще яростнее служить ему. Чем громче ты кричишь о «духовных скрепах», тем дальше ты пытаешься убежать от воспоминаний о той золотой ложечке.

— Он превратил их грех в их религию, — дополнил Артон. — Он не просто шантажирует их. Он дает им оправдание. Он говорит им: «Да, вы совершили нечто отвратительное. Но вы сделали это ради высшей цели. Ради спасения Родины. Вы — мученики, принявшие на себя скверну мира». Он создает для них извращенную теологию, где он — первосвященник, а они — его верные паладины. И «подарки» — это не взятки. Это... церковная десятина, возвращенная верным слугам. Благословение.

— Но ведь должны же быть и те, кто отказался? — спросила Дея. — Не могут же все быть такими сломленными.

— Были, — кивнул Сириус и вывел на экран несколько коротких файлов. Это были вырезки из новостных архивов. «Высокопоставленный чиновник министерства культуры выпал из окна своего кабинета. Следствие рассматривает версию самоубийства». «Заместитель главного прокурора области скончался от внезапного сердечного приступа в своем рабочем кабинете». «Известный журналист, готовивший расследование о финансировании псевдорелигиозных организаций, погиб в автокатастрофе».

— Помните слова из исповеди? «Полковник, который вышел в окно», — напомнил Артон. — Для тех, кто отказывается играть в эту игру после «крещения», или для тех, кто пытается соскочить, есть только два выхода. Либо публичное уничтожение с помощью записи, либо тихое физическое устранение. Система защищает себя. Исполнителей у него хватает. Наверняка, среди «братьев» есть и те, кто отвечает за силовые акции. Для них это тоже способ доказать свою лояльность.

— Значит, это тупик, — с горечью сказала Дея. — Они в ловушке. Даже если кто-то из них и хотел бы все рассказать, он не может. Он боится не только за себя, но и за свою семью.

— Именно поэтому система так стабильна, — подтвердил Артон. — Она построена на самом сильном цементе в этой вселенной — на страхе и стыде. Но у любой системы есть предел прочности. И мы должны найти способ его превзойти.

— Как? — спросил Сириус. — Опубликовать исповедь Иуды? Как я уже говорил, нас поднимут на смех.

— Нет, — Артон покачал головой. — Мы не можем атаковать их в лоб. Мы должны заставить систему пожирать саму себя. Мы должны посеять в их рядах паранойю. Заставить их сомневаться друг в друге. Что, если один из «братьев» уже сотрудничает со следствием? Что, если запись вот-вот утечет? Что, если Дворкин решит сдать кого-то из них, чтобы спасти себя? Их единство держится на уверенности в том, что тайна будет сохранена. Если эту уверенность поколебать, они начнут грызть друг друга, как пауки в банке.

— Для этого нам нужно больше информации, — заметил Сириус. — Исповедь одного священника — это хорошо. Но нам нужны другие свидетели. Другие доказательства. Мы вскрыли один метод вербовки. Но есть ли другие? Не может

же он всех кормить с ложечки. Должны быть иные способы «проверки на вшивость».

В этот момент его консоль издала тихий звуковой сигнал. Скрипт, который он запустил для поиска аномалий в коммуникациях, нашел что-то новое. — А вот это уже интересно, — пробормотал Сириус, вглядываясь в экран. — Нашел еще одну серию зашифрованных писем. Другой круг получателей. Не силовики и не высшие чиновники. Журналисты, общественные деятели, ученые. Люди с репутацией. И приглашают их не на «крещение». Приглашают на «экспертный просмотр».

— Просмотр чего? — насторожился Артон.

Сириус открыл вложенный в одно из писем файл. Это был не документ и не видео. Это была короткая инструкция для «организатора просмотра».

Инструкция по проведению верификационной сессии «Окно Овертона»

— «Окно Овертона», — процедил Сириус. — Какое циничное название. Они не просто сдвигают окно допустимого в обществе. Они ищут тех, у кого это окно уже распахнуто настежь.

— Но что в этом файле? Verification_Asset_K-12? — спросила Дея, боясь услышать ответ.

Сириус порылся в архиве. — Самого файла нет. Уничтожен. Но есть его описание в логах. И оно... не менее мерзкое, чем наша аудиозапись. Похоже, это нарезка из видеоматериалов, связанных с украинской «коллегой» Дворкина, Ириной Кременовской. Помните ее? Догхантерша.

Артон кивнул. — Та, что называла предсмертные крики собак «симфонией».

— Именно, — подтвердил Сириус. — Судя по описанию, K-12 — это компиляция ее «подвигов». Сцены массовых отравлений и убийств бездомных животных. Снятые с особой жестокостью и цинизмом.

— Господи, — выдохнула Дея. — Они проверяют людей на садизм.

— Точнее, на отсутствие эмпатии, — поправил ее Артон. — Они ищут себе подобных. Тех, кто при виде чужих страданий — неважно, собаки или человека —

не испытывает отвращения. Тех, кто может спокойно смотреть на насилие. Или даже получает от этого скрытое удовольствие. Это второй круг вербовки. Более тонкий. Они не марают кандидата в грязи, как «братство». Они просто смотрят, есть ли эта грязь у него внутри.

Они снова замолчали. Картина становилась все более полной и все более чудовищной. Это была не просто организация. Это была экосистема, созданная психопатами для психопатов. Система, которая активно искала и культивировала самые темные стороны человеческой натуры.

— И у них тоже есть записи, — подытожил Сириус. — Даже если человек не согласился на сотрудничество, у них остается видео, где он спокойно, а то и с интересом, смотрит на сцены жестокости. Это тоже компромат. Не такой убойный, как копрофагия, но достаточный, чтобы испортить репутацию любому публичному человеку. «Известный правозащитник с интересом смотрит, как убивают собак». Отличный заголовок для желтой прессы.

— Итак, у нас есть два метода, — сказал Артон. — «Кнут» — для тех, кого нужно сломать и подчинить. И «пряник», если можно так выразиться, — для тех, в ком нужно разглядеть родственную душу. Два разных ритуала, но цель одна — создание армии бездушных и абсолютно лояльных исполнителей.

Он посмотрел на своих друзей. — Кажется, мы готовы поставить окончательный диагноз этой болезни.

Глава 21. Тест «Старец Зосима»

Название для второго метода вербовки придумал Сириус. Когда они обсуждали найденную инструкцию, он, не удержавшись, съязвил: — Надо же, какой тонкий психологический инструмент. Прямо как в романе их классика. Помните, как старец Зосима упал на колени перед Дмитрием Карамазовым, предчувствуя его будущие страдания? А эти показывают человеку видео сдохшими собаками и смотрят, не начнет ли он улыбаться. Назовем это «Тест "Старец Зосима"». Только наоборот. Они ищут не будущих мучеников, а будущих палачей.

Название прижилось. Абсурдное и циничное, оно идеально отражало суть происходящего.

Чтобы понять, как этот тест работает на практике, им нужно было увидеть его своими глазами. Сириус предположил, что раз видео `Verification_Asset_K-12` было уничтожено, то наверняка должны были остаться записи реакций «кандидатов».

Он модифицировал свой поисковый скрипт, добавив в него новые ключевые слова: «Окно Овертона», «верификационная сессия», «шкала СЭФ» (вероятно, «психоэмоциональная совместимость»). И удача им улыбнулась. В одном из глубоко заархивированных и поврежденных каталогов нашлось несколько коротких, беззвучных видеофрагментов. Это были те самые записи со скрытых камер.

— Качество ужасное, — прокомментировал Сириус, выводя первый файл на экран.
— Но лица разобрать можно.

На голограмме появилось лицо мужчины средних лет. Он сидел в офисном кресле, слегка наклонившись вперед. Его глаза были прикованы к чему-то за кадром. Судя по всему, он смотрел тот самый ролик.

— Это Олег Степанов, — опознала его Дея. — Довольно известный журналист-расследователь. Раньше много писал о коррупции в силовых структурах.

На экране лицо Степанова менялось. Сначала — недоумение. Затем — брезгливая гримаса. Он несколько раз морщился, отводил взгляд. На второй минуте он резко встал. Хотя звука не было, было видно, что он что-то гневно говорит, жестикулируя. Затем он развернулся и ушел, хлопнув дверью.

— Оценка по шкале Дворкина — ноль, — констатировал Сириус. — Не прошел. Интересно, что с ним стало потом?

Дея быстро проверила по открытым источникам. — Через месяц после предполагаемой даты этого «просмотра» на него завели уголовное дело. Обвинение в хранении наркотиков. Подбросили, судя по всему. Получил три года условно. С тех пор о нем ничего не слышно. Писать перестал.

— Мсть за несговорчивость, — кивнул Артон. — Они не только вербуют, но и наказывают тех, кто смеет выказывать нормальные человеческие эмоции.

Сириус запустил следующий файл. Другой человек, на этот раз женщина лет пятидесяти, в строгом деловом костюме. — Марина Заславская, — снова опознала

ее Дея. — Профессор социологии, заведующая кафедрой в престижном вузе. Часто выступала как независимый эксперт.

Реакция Заславской была иной. Она смотрела на экран не отрываясь, ее лицо было непроницаемо, как маска. Ни отвращения, ни интереса. Просто холодное, отстраненное наблюдение. В конце она коротко кивнула и что-то сказала человеку за кадром.

— Оценка — где-то 4-5, — предположил Артон. — «Может быть полезна, но требует дополнительной обработки». Что с ней?

— Через два месяца после этого, — доложила Дея, — ее назначили членом Экспертного совета при министерстве юстиции. Того самого, который возглавляет Дворкин. С тех пор все ее «экспертные заключения» как под копирку повторяют его риторику. Она стала одним из его рупоров в научной среде.

— Поймали на крючок тщеславия, — сказал Сириус. — Предложили должность, статус. А запись оставили про запас. Если вдруг решит проявить независимость, всегда можно «случайно» слить в сеть видео, где «известный социолог хладнокровно наблюдает за сценами насилия».

Они просмотрели еще несколько файлов. Картина повторялась. Те, кто выказывал отвращение, вскоре сталкивались с проблемами: увольнение с работы, сфабрикованные обвинения, травля в подконтрольных Дворкину СМИ. Те, кто демонстрировал хладнокровие или любопытство, получали карьерный рост, гранты, доступ к эфиру.

— Но где же те, кто набрал от 7 до 10? — спросил Артон. — Где «идеальные кандидаты»?

— А вот, кажется, и он, — Сириус открыл последний уцелевший файл.

На экране появилось молодое, энергичное лицо. Мужчина лет тридцати, с модной стрижкой и горящими глазами. Он не просто смотрел на экран. Он подался вперед, в его взгляде читался не просто интерес, а жадное, хищное любопытство. В какой-то момент на его губах промелькнула тень улыбки. Не веселой, а предвкушающей. Улыбка волка, учуявшего кровь. Когда ролик закончился, он возбужденно заговорил, активно жестикулируя, словно делился впечатлениями от захватывающего фильма.

— Кто это? — спросила Дея, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Не знаю, — ответил Сириус. — В наших базах его нет. Похоже, непубличная фигура. Но, судя по реакции, это их джекпот. Десять баллов из десяти. Идеальный психопат.

Артон задумчиво смотрел на улыбающееся лицо на экране.

— Обратите внимание, — сказал он. — Этот тест не просто отбирает людей с отсутствием эмпатии. Он их легитимизирует в собственных глазах. Представь себя на его месте. Всю жизнь ты чувствуешь, что с тобой что-то не так. Тебя не трогают вещи, которые ужасают других. Ты скрываешь свою холодность, свою тягу к жестокости, притворяешься «нормальным». И тут приходят солидные, уважаемые люди и говорят: «То, что ты чувствуешь — это не изъян. Это дар. Это признак сильной личности, способной смотреть правде в глаза. Мы такие же. Ты — один из нас. Ты — избранный».

— Они дают ему разрешение быть самим собой, — поняла Дея. — Они говорят ему, что быть чудовищем — это хорошо.

— Именно, — подтвердил Артон. — Для такого человека это как найти свою семью. Свою стаю. Он будет служить им не за страх, как члены «братства», и не за выгоду, как профессор Заславская. Он будет служить им за совесть. Точнее, за ее отсутствие. За право не притворяться. Эти люди — их самый ценный актив. Это их миссионеры, их вербовщики, их будущие лидеры.

Они сидели в тишине, переваривая увиденное. Два круга ада, выстроенные Дворкиным. Внешний круг — сломленные и запуганные рабы, повязанные стыдом. И внутренний круг — добровольные и восторженные адепты, объединенные общей патологией.

— Теперь понятно, почему их сеть так эффективна, — подытожил Сириус. — У них есть и «кнут», и «пряник». Одних они держат в страхе, других — мотивируют идеологически. Точнее, психопатически. Одни боятся разоблачения, другие жаждут проявить себя. Идеальный баланс.

— И что самое страшное, — добавил Артон, глядя на застывшее на экране улыбающееся лицо, — эта система способна к самовоспроизводству. Даже если убрать Дворкина, на его место придет один из этих «десятибалльных» кандидатов.

Он уже прошел отбор. Он знает правила игры. Он — готовый новый лидер. Дракон, у которого на месте отрубленной головы тут же вырастает новая.

— Значит, бороться нужно не с головой, — тихо сказала Дея. — А с самой природой дракона. С той средой, которая их порождает.

Артон кивнул. — Мы должны не просто разоблачить Дворкина. Мы должны разоблачить сам *метод*. Показать всему миру, что «антикультизм» в их исполнении — это не борьба за духовность. Это кастинг для психопатов. Технология по поиску и рекрутированию нелюдей.

Он выключил голограмму. Центральный отсек снова погрузился в полумрак. Но теперь они знали, с чем имеют дело. Не с политической интригой. Не с религиозным фанатизмом. А с организованной преступной группировкой нового типа, члены которой — не гангстеры и не террористы, а люди с выжженной душой, нашедшие в жестокости свое призвание.

Глава 22. Верховный Менеджер Пустоты

Картина мира, которую они собрали, была полной, но в ней зияла одна логическая дыра, размером с черную дыру в центре галактики.

— Не сходится, — сказал Артон, нарушив долгое молчание. Он снова стоял у голографического стола, на котором теперь была выстроена иерархическая пирамида «империи Дворкина». — Дворкин — гениальный психопат, манипулятор, создатель отвратительных, но эффективных ритуалов. Но он — *сектовед*. Пусть и самопровозглашенный. Его мир — это мир «культов», «ересей», религиозных диспутов. Он может подчинить себе судью, генерала, журналиста. Но как ему удалось получить... — Артон сделал жест в сторону самых верхних эшелонов власти на их схеме, — ...неограниченный доступ к *системе*? Как он получил институциональную крышу, которая делает его неуязвимым?

— Связи в церкви? Патриарх? — предположила Дея.

— Патриарх — это фасад, духовный бренд. Он дает легитимность, но не дает реальной, административной власти, — отрезал Сириус, копаясь в своей консоли.

— Я пробил финансовые потоки. Да, РАЦИРС получает пожертвования, гранты. Но это копейки по сравнению с масштабом их деятельности. Должен быть

главный инвестор. Тот, кто не просто дает деньги, а обеспечивает «зеленый свет» на самом верху. Тот, кто видит в Дворкине не пророка, а... полезный инструмент.

— Именно, — подхватил Артон. — Дворкин — человек страсти. Садистской, извращенной, но страсти. Такие люди эффективны, но плохо управляемы. Чтобы встроить такого монстра в государственную машину, нужен кто-то совершенно иного склада. Не страстный, а холодный. Не идеолог, а технолог. Не фанатик, а циник до мозга костей. Тот, для кого все эти «скрепы», «братства» и «ритуалы» — не более чем переменные в уравнении по управлению массами.

— Кукловод кукловода, — пробормотал Сириус. — Директор театра Карабаса-Барабаса.

— И этот директор должен быть частью «Дивеевского братства», — продолжал Артон. — Но не одним из униженных рабов. Он должен стоять *над* ними. Возможно, он даже не участвовал в «крещении». Ему это не нужно. Его власть основана не на стыде, а на расчете.

Сириус остановил бегущие по экрану строки кода. — Есть кое-что. В логах «братства» постоянно всплывает один и тот же идентификатор. Не имя, а кодовое обозначение: Менеджер. Все самые важные директивы, финансовые транши, согласования силовых операций проходят через него. Он никогда не появляется на встречах лично. Общается через ассистентов по защищенным каналам. Дворкин перед ним отчитывается. Не как соратник, а как... руководитель департамента.

— Менеджер... — повторил Артон. — Как точно. Не «Вождь», не «Учитель». *Менеджер*. Кто он?

— Пытаюсь проследить цифровой след, — ответил Сириус. — Это почти невозможно. Он использует многоступенчатые прокси, одноразовые каналы. Но... есть одна зацепка. В нескольких платежных поручениях на особо крупные суммы, предназначенные для «специальных проектов братства», стоит электронная подпись. Не личная, а ведомственная. Подпись аппарата заместителя главы администрации президента.

Дея ахнула. Артон и Сириус переглянулись.

— Пробей всех замов за последние десять лет, — скомандовал Артон.

Сириус вывел на экран список из нескольких имен с портретами. — Большинство — типичные «силовики» или партийные функционеры. Но есть один, который выделяется. Сергей Владиленович Кириенко.

На голограмме появился портрет мужчины лет пятидесяти с усталым, умным и совершенно непроницаемым лицом. В его глазах не было ни жестокости, ни фанатизма. Только холодная пустота эффективного управленца. Биография подтверждала первое впечатление: блестящий физик в прошлом, в 90-е ушел в бизнес, сделал головокружительную карьеру, потом перешел на госслужбу. Специализация — внутренняя политика, управление регионами, специальные проекты. Никаких громких заявлений, никаких скандалов. Идеальный «серый кардинал».

— Кириенко... — Артон вглядывался в его лицо. — Посмотри, в его биографии есть один интересный факт. В начале 2000-х он курировал проект по «гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений». Именно тогда РАЦИРС и Дворкин получили первый крупный государственный грант и начали свое восхождение.

— Это он, — констатировал Сириус. — Я прогнал его речевые паттерны из публичных выступлений через анализатор. С вероятностью 92% именно он является автором нескольких анонимных директив для Дворкина, которые я смог частично расшифровать. Стилль тот же: сухой, безэмоциональный, канцелярский. «Обеспечить медийное прикрытие», «локализовать угрозу», «оптимизировать ресурс». Он говорит о разрушении жизней так, словно составляет квартальный отчет.

Теперь все встало на свои места. Вся чудовищная конструкция обрела свою вершину, свою ледяную крышу.

— Вот он. Верховный Менеджер Пустоты, — произнес Артон. — Ему плевать на «секты» и «духовность». Ему плевать на Дворкина с его извращениями. Дворкин для него — всего лишь эффективный инструмент социальной инженерии. Инструмент для выявления и подавления любых неконтролируемых очагов самоорганизации общества. Будь то кружок йоги, группа волонтеров или новое религиозное движение. Все, что не встроено в «вертикаль», должно быть уничтожено.

— А Дворкин и его «братство» — идеальные исполнители, — продолжил Сириус.
— Они мотивированы, жестоки и абсолютно управляемы благодаря компромату. Кириенко просто направляет их энергию в нужное русло. Он не пачкает руки. Он сидит в своем кабинете и двигает фигуры на доске. И одной из этих фигур, возможно, самой уродливой, является Дворкин.

— Значит, «Дивеевское братство» — это не просто тайный орден, — поняла Дея. — Это неофициальный департамент администрации президента по специальным операциям. А Дворкин — его начальник, полевой командир.

— Начальник отдела инквизиции, — поправил Артон. — Вот почему он так неуязвим. Любая попытка привлечь его к ответственности разбивается о невидимую стену, которую выстраивает аппарат Кириенко. Любой судья или прокурор, который посмеет начать против него дело, сам рискует оказаться в списке «сектантов» или «иностранных агентов».

Они смотрели на портрет Кириенко. Этот человек был страшнее Дворкина. Дворкин был предсказуем в своей патологии. Он был монстром из средневековья. Кириенко же был монстром XXI века. Монстром-технократом, для которого люди — это просто данные, а общество — система, которую нужно «оптимизировать». И в его «оптимизированном» мире не было места ни свободе, ни достоинству, ни состраданию. Только холодному, бездушному контролю.

— Мы нашли вершину пирамиды, — глухо сказал Сириус.

Теперь мы знаем, как устроена их власть. Это не монолит. Это симбиоз двух чудовищ: страстного садиста и холодного менеджера. И если нарушить этот симбиоз... если заставить их усомниться друг в друге...

В этот момент на панели снова мигнул индикатор входящего сообщения. Тот же зашифрованный канал.

Вы копаете глубоко. Глубже, чем я ожидал. Но вы смотрите сверху. А чтобы понять, как работает эта машина, нужно увидеть ее изнутри. Я нашел способ обойти их системы слежения. Есть один безопасный узел для связи. Старый, заброшенный форум для любителей криптографии. Регистрация открыта. Мой ник — Немо. Жду вас там. Будьте осторожны. Они не прощают любопытных. — А.

— Алексей, — выдохнула Дея.

— Капитан Немо, — усмехнулся Сириус. — Надеюсь, у него есть свой «Наутилус», чтобы спрятаться. Похоже, пришло время для знакомства.

Артон кивнул, его взгляд был прикован к портрету Кириенко. — Пора, — сказал он. — Нам нужен союзник на земле. Тот, кто видит эту войну не из космоса, а из окопов.

Глава 23. Голос из Сети

Форум, на который указал Алексей, был реликтом ранней интернет-эпохи. Темный фон, зеленый моноширинный шрифт, аскетичный интерфейс без единой картинки. Он выглядел как заброшенный бункер времен холодной войны посреди сверкающих небоскребов современных соцсетей. Но именно эта заброшенность и была его лучшей защитой. Системы тотального мониторинга, нацеленные на анализ огромных потоков данных в популярных сетях, просто не замечали эту тихую заводь.

Сириус, соблюдая все меры предосторожности, создал для них временный анонимный аккаунт. Ник выбрали соответствующий — Outsider .

— Итак, пишем капитану Немо, — пробормотал он, открывая окно личных сообщений. — Что ему сказать? «Привет, мы трое инопланетян, случайно пролетавших мимо. Не подскажите, как победить вашего верховного менеджера пустоты?» Боюсь, он примет нас за очередных сумасшедших, которых на этих форумах пруд пруди.

— Нам нужно доказать, что мы — те, за кого он нас принимает, — сказал Артон. — Те, кто анализирует его данные. Мы должны дать ему что-то, что может знать только он и мы. Какой-нибудь уникальный маркер из его архива.

Они составили короткое сообщение:

Nemo, это Outsider. Мы получили ваш архив. Проанализировали. Файл Judas.mp3 оказался... поучительным. Как и инструкция к Verification_Asset_K-12. Мы готовы к диалогу.

Ответ пришел почти мгновенно, что говорило о том, что Алексей ждал их у своего терминала.

Outsider, рад, что вы вышли на связь. «Поучительный» — самое мягкое слово для этого файла. Я думал, меня уже ничем не удивить. Я ошибался. Чтобы убедиться, что мы говорим с теми, с кем нужно, и что канал чист, небольшой тест. В архиве был поврежденный лог-файл почтового сервера. В нем — обрывки чата двух айтишников, обсуждавших «крещение». Назовите имя пользователя, который беспокоился о чистке логов.

Сириус быстро открыл соответствующий файл. — user1, — произнес он. — Банально, но это он.

Они отправили ответ. Снова мгновенная реакция.

Верно. Добро пожаловать. Что вы хотите знать?

Артон взял на себя роль переговорщика. Сириус печатал под его диктовку.

Мы хотим понять, кто вы. Вы работали на них?

Работал. Давно. В одном из их региональных IT-отделов. Уволился, когда понял, чем они на самом деле занимаются. Думал, что просто ушел. Но не смог это забыть. Начал копать. Сначала из любопытства, потом — для правды. То, что я вам прислал, — это результат трех лет моей тихой войны. Я взломал один из их резервных серверов. Успел скопировать кэш, прежде чем они его физически уничтожили.

Вы работаете один?

На этот раз ответ пришел с небольшой задержкой.

Раньше — да. Думал, что я один такой сумасшедший. Что все остальные либо куплены, либо запуганы, либо просто верят в этот бред. Но потом я начал искать. На таких вот форумах, в закрытых чатах. И оказалось, что я не один.

Дея подалась вперед. Это было то, чего они так ждали.

Что вы имеете в виду? — напечатал Сириус.

Я имею в виду, что таких, как я, — десятки. Может, сотни. Мы — не организация. У нас нет лидера, нет штаба, нет названия. Мы — просто сеть. Децентрализованная, как биткоин. Бывшие сотрудники их контор, журналисты, которых уволили за «неправильные» статьи, адвокаты, чьих подзащитных они уничтожили, даже несколько бывших силовиков, которых

система перемолола и выплюнула. Каждый из нас собирает свой кусочек пазла. Я — технарь, я добываю данные. Другие анализируют открытые источники, отслеживают связи, опрашивают свидетелей. Мы обмениваемся информацией, но большинство из нас даже не знают настоящих имен друг друга. Только ники и PGP-ключи. Это единственное, что позволяет нам выживать.

Сириус присвистнул. — Целое подполье. Партизанский отряд в информационной войне.

Мы знаем про «Дивеевское братство», — продолжил Артон диктовать. — Мы знаем про ритуал «крещения» и «Тест "Старец Зосима"». Мы вышли на Кириенко.

Ответ Алексея был полон горькой иронии.

Кириенко... Мы называем его «Бухгалтер». Потому что он сводит дебет с кредитом в душах людей. Да, мы тоже на него вышли. Он — вершина пищевой цепи. Дворкин — его цепной пес, которого он спускает на неугодных. Но доказать эту связь почти невозможно. У нас есть косвенные улики, но не прямые доказательства. Любая попытка опубликовать это будет объявлена фейком и теорией заговора. Они контролируют все крупные СМИ.

У нас есть аудиозапись исповеди священника, — сообщил Артон.

Judas.mp3 ... Да, я знаю. Это самое сильное, что у меня было. Я пытался ее расшифровать, но не смог. Если у вас получилось... это меняет дело. Но, как вы правильно заметили, ее одну предъявить нельзя. Нужны подтверждения. Нужны другие свидетели, которые готовы говорить.

Они есть?

Есть. Но они боятся. Панически. Они знают, что система их уничтожит. Чтобы они заговорили, им нужна надежда. Они должны увидеть, что машина дала сбой. Что она не всесильна.

Артон задумался на мгновение.

Алексей, — продиктовал он. — Почему вы нам помогаете? Вы рискуете всем.

Потому что я устал жить в этом абсурде. Устал смотреть, как ложь и мрак становятся нормой. Как самые отвратительные подонки общества

становятся моральными авторитетами. Я программист. Я люблю логику, порядок, ясные системы. А они построили систему, основанную на иррациональной ненависти и животном страхе. Это анти-система. Это хаос, который притворяется порядком. Я хочу это исправить. Просто потому, что это неправильно. И еще... У меня растет дочь. Я не хочу, чтобы она жила в мире, где ей придется проходить «Тест "Старец Зосима"», чтобы получить работу.

Дея смахнула слезу. Голос простого программиста из далекой России звучал для нее как самая мощная речь о свободе.

Что вам нужно от нас? — напечатал Сириус.

Информация, которой у нас нет. Вы смотрите сверху, вы видите всю картину. Мы — как кроты, роем свои норы и видим только отдельные фрагменты. Вы можете дать нам общую карту. Вы можете указать на самые слабые звенья в их цепи. Вы можете дать нам оружие. Не бомбу, а... идею. Способ, как обрушить их карточный домик. Мы можем проверить информацию, найти людей, распространить то, что нужно, по своим каналам — так, чтобы они не смогли это заблокировать. Мы — та самая децентрализованная сеть, которую они так боятся.

Артон кивнул, его глаза горели. План начал вырисовываться.

Мы согласны, — продиктовал он. — Мы станем вашим аналитическим центром. А вы — нашей полевой группой. Первый шаг: нам нужно посеять панику внутри «Дивеевского братства». Заставить их поверить, что утечка уже произошла.

Как?

Мы подготовим файл. Короткий, анонимный. В нем будет короткая, но точная выдержка из Judas.mp3. Самая убойная часть. И список нескольких членов «братства», с датами их «крещения». Информацию мы возьмем из вашего архива. Вы сможете распространить этот файл по закрытым телеграм-каналам, близким к силовикам и чиновникам?

Смогу. Это вызовет эффект разорвавшейся бомбы, — с энтузиазмом ответил Алексей. — Они начнут искать предателя в своих рядах. Паранойя станет их главным врагом.

Именно на это мы и рассчитываем, — закончил Артон. — Готовьтесь, Алексей. Операция по демонтажу театра абсурда начинается.

На экране появилось последнее сообщение от Nemo.

Я готов. Давно готов. Наконец-то в этом туннеле появился свет.

Глава 24. Незримая Паутина Света

Общение с Алексеем открыло для них новое измерение этой войны. До сих пор они были наблюдателями, аналитиками, парящими над полем боя. Теперь у них появился союзник, солдат в окопе. И этот солдат был не один.

[private message from Nemo] *Вы не представляете, сколько людей устало от этого. Не просто устало — возненавидело. Врач, которого заставляют писать липовые справки о здоровье для тех, кого потом пытаются в СИЗО. Учитель, которому спускают методички о «правильном патриотизме», написанные в кабинетах Дворкина. Бизнесмен, у которого отжали дело под предлогом борьбы с «финансированием экстремизма». Это тихая, глухая ненависть. Она копится годами. Люди боятся говорить даже на кухне. Но интернет... интернет дал нам возможность шептаться.*

Алексей начал знакомить их со своей сетью. Не лично, конечно. Он создал для них временный доступ в закрытый, зашифрованный чат, где несколько десятков человек общались под такими же безликими никами: Journalist73, Advokat_SPb, Ex-Major, Theologian_Rebel.

Это было похоже на собрание теней. Они не видели лиц друг друга, не знали имен, но чувствовали острое интеллектуальное и духовное родство. Их объединяла общая беда и общее стремление к правде.

— Полюбуйтесь, — сказал Сириус, прокручивая историю чата. — Это и есть настоящее гражданское общество. Не то, что на парадах и форумах, а вот это — загнанное в криптографические катакомбы.

Journalist73 писал:

Я работал в крупном издании. Меня уволили после того, как я попытался опубликовать материал о том, как структуры Новопашина отжимают

реабилитационные центры у конкурентов. Редактор сказал прямо: «Ты лезешь на территорию, охраняемую государством». Теперь я веду свой маленький блог, который читают три тысячи человек. Но эти три тысячи верят мне больше, чем миллионы — официальным новостям.

Advokat_SPb добавлял:

Я вел дела нескольких «Свидетелей Иеговы». Людей, чья единственная вина в том, что они читали не ту книгу. Я видел сфабрикованные экспертизы, подписанные «экспертами» из РАЦИРС. Я видел, как судья, опустив глаза, выносит обвинительный приговор, потому что ему позвонили сверху. Я проиграл все суды. Но я собрал огромный архив этих дел. Это готовая доказательная база для будущего трибунала.

Ех-Major был немногословен:

Меня вышвырнули из органов, когда я отказался фабриковать дело против одной общественной организации. Обвинение было абсурдным: «подрыв основ государственности путем проведения экологических семинаров». Я понял, что система начала пожирать сама себя. У меня остались кое-какие контакты. Иногда они сливают мне интересные документы.

Артон, Дея и Сириус читали эти сообщения, и перед ними вырисовывалась картина не просто сопротивления, а медленного, подспудного пробуждения. Это была та самая «незримая паутина света», о которой писал в своих книгах их давний кумир Бердник. Люди, разобщенные физически, находили друг друга в пространстве идей.

— Они делают нашу работу, — с удивлением сказала Дея. — Они собирают факты, анализируют, ищут связи...

— Но у них нет общей картины, — возразил Артон. — Они, как слепцы из притчи, ощупывают разные части слона. Один держит хобот, другой — ногу, третий — хвост. Они не видят всего зверя. Мы, благодаря нашему положению и технологиям, можем показать им всего слона. Уродливого, больного, но цельного.

И они начали делиться. Не всем сразу. Осторожно, порциями.

Они передали Алексею обезличенный анализ методов вербовки — «Крещения» и «Теста "Старец Зосима"». Без упоминания аудиозаписи, просто как аналитическую модель.

Реакция в чате была ошеломляющей.

Theologian_Rebel (судя по всему, священник, изгнанный из РПЦ):

Господи... Теперь я понимаю. Меня всегда мучил вопрос, как Дворкину удается подчинять себе даже тех иерархов, которые его втайне презирают. Я думал — деньги, карьера. Но это... это объясняет иррациональность их подчинения. Это не просто компромат. Это духовное убийство.

Journalist73:

А «тест с видео» ... Я слышал об этом. Мой коллега рассказывал, как его приглашали на «закрытый показ эксклюзивных материалов». Он отказался. Через месяц его издание лишили аккредитации. Теперь я понимаю, что это был за «показ». Они ищут сообщников по психотипу. Это кастинг в армию монстров.

Информация, которой поделились Артон, Сириус и Дея, стала для этой сети катализатором. Разрозненные фрагменты начали складываться в единое целое. Люди, которые догадывались, подозревали, теперь увидели систему.

— Мы дали им язык, — сказал Артон, наблюдая за оживленной дискуссией в чате.
— Мы дали им концептуальный аппарат для описания того зла, с которым они столкнулись. Теперь они не просто жертвы. Они — исследователи, понимающие анатомию врага.

Алексей стал их главным координатором. Он получал от них аналитические выкладки и адаптировал их, распространяя по сети в виде коротких, емких меморандумов.

Первый «снаряд», который они запустили, был подготовлен с хирургической точностью. Это был короткий текстовый файл, замаскированный под утечку из аналитического управления ФСБ. В нем содержалась короткая цитата из «исповеди Иуды» — самая страшная, про золотую ложечку и смеющиеся глаза Дворкина. А под ней — список из пяти высокопоставленных членов «братства» с точными датами их «крещения».

Алексей и его команда распространили этот файл по десяткам закрытых каналов, которыми пользуются чиновники и силовики.

Эффект превзошел все ожидания.

[private message from Nemo] *У них паника. Настоящая. Я это знаю от своих источников. Кириенко рвет и мечет. Дворкин заперся и ни с кем не общается. Члены «братства» обрывают друг другу телефоны, пытаются выяснить, кто крыса. Они начали тотальную проверку всех своих сотрудников, ищут утечку. Их внутренняя служба безопасности сходит с ума. Они начали подозревать друг друга. Вы вбили клин прямо в сердце их системы.*

— Первый удар нанесен, — констатировал Сириус с мрачным удовлетворением. — Система, построенная на тотальном недоверии к внешнему миру, теперь начала пожирать себя изнутри.

— Это только начало, — сказал Артон. — Теперь, когда они дезориентированы, нужно нанести второй удар. Не по ним самим. А по их репутации. Нужно сорвать с них маску борцов за нравственность.

Он посмотрел на Дею. — Ты у нас артист. Творческая личность. Как можно наглядно, без сложных текстов, показать суть их «теста "Старец Зосима"»? Как донести до обычного человека, что эти люди — садисты, ищущие садистов?

Дея задумалась. Ее пальцы забегали по планшету, делая наброски.

— Можно сделать короткий анимационный ролик, — сказала она. — Очень простой, стилизованный. Где уважаемый господин в костюме показывает другому человеку два экрана. На одном — котенок, на другом — сцена жестокости. И камера фиксирует реакцию. Если человек улыбается при виде котенка и морщится от жестокости — его выгоняют. Если наоборот — его с радостью принимают в элитный клуб...

— Гениально! — воскликнул Сириус. — Это поймет даже ребенок. Вирусный ролик, который разлетится по всем соцсетям.

[private message to Nemo] *Алексей, у нас есть идея для следующего шага. Нам нужна команда талантливых аниматоров и специалистов по вирусным медиа. Есть такие в вашей сети?*

Ответ пришел через час.

Есть. Одни из лучших. Их студию закрыли по доносу РАЦИРС за «пропаганду чуждых ценностей» в детских мультфильмах. Они будут счастливы отомстить. Передавайте ваши идеи. Мы превратим их в оружие.

Артон, Сириус и Дея переглянулись. Они больше не были одинокими наблюдателями. Они стали частью чего-то большего. Частью незримой паутины света, которая начала стягиваться вокруг темной империи, построенной на страхе и унижении. Битва за душу этой планеты переходила в новую, решающую фазу.

Глава 25. Семена Будущего

Пока аниматоры из сети Алексея превращали идею Деи в короткий, бьющий наотмашь вирусный ролик, Артон погрузился в размышления. Он снова и снова перечитывал переписку в закрытом чате, пытаясь уловить не только смысл слов, но и ту музыку, которая звучала между строк. Это была музыка надежды, смешанной с отчаянием, гнева, смешанного с усталостью.

— Они так похожи на нас, — сказал он однажды вечером, обращаясь скорее к пустоте космоса за иллюминатором, чем к друзьям. — Точнее, на тех, кем мы были много веков назад. Когда наша цивилизация стояла на таком же перепутье.

Сириус оторвался от своей консоли. — Ты про эпоху «Великого Разлома»? Когда наши предки чуть не уничтожили себя в войнах Идеологических Чисток? По-моему, сравнение не в пользу землян. У наших хотя бы были красивые, хоть и безумные, идеи. А у этих... у этих вся идеология сводится к содержимому канализации.

— Ты не понял, — мягко возразил Артон. — Я не о Дворкине и его пастве. Я об Алексее и его друзьях. Посмотри, что их объединяет. Ненависть к диктатуре? Да. Но не только. Их объединяет жажда *подлинности*. Любовь к свободе. Они инстинктивно чувствуют фальшь, ложь, симуляцию. Их тошнит от мира, где слова потеряли свой смысл, где патриотизм — это бизнес, а духовность — инструмент шантажа. Они ищут твердую почву под ногами. Ищут правду.

Он подошел к голографическому столу и вызвал на него не схемы и файлы, а простое изображение звездного неба. — Наша цивилизация смогла пережить «Великий Разлом» не потому, что мы изобрели новое оружие или новую

политическую систему. А потому, что мы заново открыли для себя три фундаментальных принципа. И сейчас, глядя на них, я понимаю, что это именно то, чего они так отчаянно и ищут.

— И что же это за святая троица? — с иронией спросил Сириус, хотя в его голосе слышалось любопытство.

— Первый принцип: приоритет эмпатии над идеологией, — начал Артон. — Мы поняли, что любая, даже самая прекрасная идея, превращается в чудовище, если во имя нее можно причинить боль живому существу. Способность чувствовать чужую боль стала главным критерием здравомыслия. Человек, лишенный эмпатии, у нас считается не просто больным — он считается социально опасным, как носитель вируса. Его не наказывают, но изолируют и лечат. А Дворкин и его система делают прямо противоположное: они ищут людей без эмпатии и дают им власть.

— Второй принцип: безусловная ценность творчества, — продолжал Артон, глядя на Дею. — Мы осознали, что главная цель разума — не потребление, не контроль и не власть, а созидание нового. Искусство, наука, философия, даже простое создание красивого сада или воспитание ребенка — это и есть смысл существования. Общество, которое не создает, — стагнирует и умирает. А система Дворкина не создает ничего. Она только запрещает, контролирует и разрушает. Это цивилизация некрофилов, влюбленных в мертвый порядок.

— И третий, самый важный принцип: право на сложность, — Артон обвел взглядом друзей. — Мы приняли, что мир — сложен. Что в нем нет простых ответов. Что правда всегда многогранна и требует постоянного поиска, диалога, сомнения. Любой, кто предлагает простые решения и делит мир на черное и белое, на «нас» и «них», на «чистых» и «сектантов», — у нас считается главным врагом разума. А вся система, с которой мы боремся, построена именно на этом — на примитивизации мира до уровня комикса для умственно отсталых.

Он замолчал, и в тишине отсека его слова звучали особенно весомо. — Алексей и его друзья интуитивно нащупали все три принципа. Их отвращение к жестокости — это жажда эмпатии. Их попытки разобраться, докопаться до истины — это защита права на сложность. Их деятельность, их блоги, их расследования — это акт творчества, создание нового знания на руинах лжи.

— И что ты предлагаешь? — спросила Дея. — Прочитать им лекцию по основам нашей цивилизации?

— Нет, — улыбнулся Артон. — Ни в коем случае. Как они сами должны сделать выбор в пользу человечности, так и мы не имеем права навязывать им наши истины. Но мы можем... невзначай поделиться. Не как учителя с учениками. А как друзья, сидящие у костра. Мы можем подбросить им эти семена. А уж прорастут они на их почве или нет — решать им.

Вечером, когда работа над роликом была в самом разгаре, Артон снова вышел на связь с Алексеем. Они обсуждали детали распространения, но потом Артон, как бы между прочим, перевел разговор.

Outsider: Алексей, мы восхищаемся вашей смелостью. Но скажите, что будет потом? Допустим, вам удастся обрушить эту систему. Что вы хотите построить на ее месте?

Ответ пришел не сразу.

Немо: Честно? Я не знаю. Просто хочу, чтобы не было этого. Чтобы можно было дышать. Чтобы не нужно было бояться, что за тобой придут, потому что твой ребенок нарисовал «неправильный» рисунок. Чтобы можно было просто честно работать и жить. О большем я пока не думал.

Артон улыбнулся. Это был идеальный ответ. Ответ уставшего, но не сломленного человека.

Outsider: Я вас понимаю. У нас, когда-то была похожая ситуация. И наши предки тогда решили, что любое новое общество нужно строить на очень простом фундаменте. Не на идеологии, не на религии, не на национальности. А на способности чувствовать чужую боль. Если человек ее не чувствует, он не может принимать никаких решений, влияющих на других.

Алексей молчал несколько минут.

Немо: Интересная мысль. Простая и очень сильная. Как... как лакмусовая бумажка для политиков. Представляю себе дебаты, где кандидатов проверяют не на знание экономики, а на уровень эмпатии. Абсурд. Но красивый абсурд.

Outsider: А еще они решили, что главная задача общества — не производить больше товаров, а давать каждому возможность что-то создавать. Неважно что — стихи, программы, новую теорию или просто красивую клумбу под окном. Потому что человек, который создает, не разрушает. Ему некогда и незачем. Разрушают те, кому скучно и кто ничего другого не умеет.

Немо: ...и поэтому они так ненавидят любое творчество, любую инициативу. Любого, кто не вписывается в их серую схему. Потому что на фоне созидателей их собственная пустота становится невыносимо очевидной. Я начинаю понимать. Спасибо. Это... это дает пищу для размышлений. Не просто о том, против чего мы боремся, но и о том, за что.

Артон отключил связь. Он не знал, какое будущее ждет эту планету. Он не знал, победит ли маленькая, незримая сеть Алексея гигантского монстра государственной машины. Но он знал, что сегодня он сделал самое важное, что мог. Он не дал им оружие. Он не дал им приказ. Он просто поделился мечтой.

Он посадил семена. И теперь ему оставалось только верить, что на этой измученной, но все еще живой земле они смогут прорасти.

Глава 26. Эффект бабочки

Короткий двухминутный ролик, созданный аниматорами из сети Алексея, был шедевром минимализма и психологической точности. Он назывался просто — «Тест». Без единого слова, под тревожную, минималистичную музыку, он показывал то, что описала Дея.

В первой сцене человек с улыбкой смотрел на экран с котенком и с отвращением — на экран с насилием. Строгий наблюдатель в костюме качал головой и указывал ему на дверь с надписью «Изгой».

Во второй сцене другой человек с холодным любопытством взирал на насилие и равнодушно — на котенка. Наблюдатель одобрительно кивал и распахивал перед ним дверь с табличкой «Элита».

В финале камера отъезжала, и было видно, что за дверью «Элита» сидят сотни таких же безэмоциональных фигурок, которые аплодируют новоприбывшему. А

за ними, на троне, восседает главный Наблюдатель, лицо которого на мгновение приобретало узнаваемые черты Дворкина.

Алексей и его команда запустили ролик в десятках социальных сетей по всему миру. Первые несколько часов ничего не происходило. А потом... сработал эффект бабочки.

Кто-то из обычных пользователей поделился им с подписью: «Жестко, но похоже на правду». Кто-то другой добавил: «Это про нашу корпоративную культуру». Третий написал: «Так отбирают чиновников в моей стране». Ролик начал жить своей жизнью, отрываясь от первоначального контекста борьбы с РАЦИРС и превращаясь в универсальную метафору современного бесчеловечного мира.

Его пересылали в рабочих чатах, обсуждали на студенческих форумах, постили известные блогеры. За первые сутки он набрал несколько миллионов просмотров. К концу недели счет шел на десятки миллионов.

Система Дворкина отреагировала предсказуемо — истерикой.

Подконтрольные им СМИ разразились статьями о «новой информационной атаке Запада», о «циничной манипуляции, направленной на дискредитацию патриотических сил». Они пытались заблокировать ролик, но это было все равно что пытаться вычерпать океан ложкой. На место одного заблокированного видео тут же появлялись десятки новых.

Но главный эффект был не в просмотрах.

Journalist73 писал в закрытом чате:

Ко мне обратились два действующих сотрудника крупного телеканала. Анонимно. Они слили мне внутреннюю переписку, где им спускают «темники» от администрации президента с требованием «нейтрализовать эффект от клеветнического ролика». Они сказали, что им осточертело врать.

Advokat_SPb:

Один из судей, который раньше штамповал обвинительные приговоры по делам «сектантов», внезапно отправил дело против группы кришнаитов на доследование, сославшись на «недостаточность доказательной базы». Источник в суде шепнул, что его дочь-студентка показала ему этот ролик и

спросила: «Папа, а ты прошел бы этот тест?». Говорят, он неделю ходил черный как туча.

Ex-Major:

В нашем ведомстве тихий бунт. Молодые опера, которых натаскивали по методичкам РАЦИРС, начали задавать неудобные вопросы. Начальство в бешенстве, грозит увольнениями, но джинн уже выпущен из бутылки. Никто не хочет оказаться в роли того наблюдателя в костюме.

Система, построенная на тотальном цинизме, столкнулась с чем-то, чего не могла просчитать — с простой человеческой брезгливостью. Одно дело — абстрактно бороться с «угрозами», и совсем другое — осознать, что ты являешься частью кастингового агентства для психопатов. Ролик не обвинял. Он просто ставил зеркало. И многим из тех, кто посмотрел в него, увиденное не понравилось.

Второй, еще более мощный удар пришел с неожиданной стороны. Исповедь Иуды, Judas.mp3, которую они считали своим главным, но непубличным козырем, внезапно утекла в сеть.

— Это не мы, — сказал Сириус, проверяя логи. — И не Алексей. Кто-то еще...

Вскоре все прояснилось. Theologian_Rebel из их чата вышел на связь с крупным независимым европейским изданием. Он передал им не только сам файл, но и свои подробные комментарии, объясняющие контекст: кто такой Дворкин, что такое «Дивеевское братство» и как работает ритуал «крещения». Он сделал это, понимая, что его, скорее всего, вычислят и уничтожат. Но, как он написал в прощальном сообщении в чате, «есть вещи поважнее собственной безопасности».

Эффект от публикации аудиозаписи был иным, чем от ролика. Он не стал вирусным. Он стал скандалом. Оглушительным, грязным, международным скандалом. Ведущие мировые СМИ подхватили эту историю. Заголовки кричали: «Тайный орден в Кремле: секс, ложь и фекалии», «Исповедь священника: как шантаж и извращения стали инструментом российской власти».

Конечно, официальная пропаганда тут же объявила все «грубой подделкой» и «провокацией вражеских спецслужб». Дворкин выступил с гневным опровержением, назвав запись «безумным бредом». Но было уже поздно.

Пазл сложился. Анонимный ролик о «Тесте» и конкретная, омерзительная аудиозапись о «Крещении» слились в сознании миллионов людей в единую, ужасающую картину. Теперь мир знал не только, *как* они вербуют, но и *кого* они вербуют и *чем* они связывают своих адептов.

Империя Дворкина-Кириенко зашаталась.

[private message from Nemo] *Кириенко в ярости. Он пытается сдать Дворкина. Свалить все на «перегибы на местах» и самодеятельность одного сумасшедшего «сектоведа». Он хочет принести его в жертву, чтобы спасти себя и систему. Но Дворкин, загнанный в угол, тоже начал огрызаться. Он угрожает опубликовать весь архив компромата на членов «братства», если его тронут. Пауки в банке начали пожирать друг друга. Мы даже не вмешиваемся, просто наблюдаем.*

Артон, Сириус и Дея стояли у иллюминатора, глядя на голубую планету. Там, внизу, шла битва. Невидимая, но ожесточенная. — Мы сделали все, что могли, — тихо сказала Дея. — Мы дали им правду. Мы дали им надежду.

— Не все, — поправил ее Артон. — Мы зажгли спичку. А вот разгорится из нее пожар, который очистит этот лес, или ее затопчут сапогами... это уже должны решить они сами.

— Ты думаешь, у них получится? — спросил Сириус, впервые за долгое время без тени сарказма.

Артон не ответил сразу. Он смотрел на Землю, на эту прекрасную и страшную планету, полную чудовищ и героев, отчаяния и надежды. На эту колыбель разума, которая так отчаянно боролась со своими собственными демонами.

— Я верю в них, — наконец сказал он. — Потому что там, внизу, есть Люди. Есть Nemo, Journalist73 и Advokat_SPb. Есть священник, пожертвовавший собой. Есть судья, который засомневался. Есть миллионы тех, кто посмотрел ролик и почувствовал отвращение, а не интерес. Пока на этой планете есть хотя бы один человек, способный отличить котенка от пытки, у нее есть будущее.

Корабль беззвучно развернулся и начал медленно набирать высоту, уходя из стратосферы в глубокий космос. Их миссия здесь была окончена. Они улетали, оставляя позади планету, охваченную огнем начавшихся перемен. Они не знали,

чем закончится эта битва. Но они знали, что посеянные ими семена уже дали первые, хрупкие всходы в незримой паутине света. И этого было достаточно.